

Дмитрий Цаков

ОСКОЛОК
ДУШИ

Славянский дом

18+

Дмитрий Цаков

Осколок души

<https://litres.ru/74232822>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это вторая книга из серии «Славянский дом», которая продолжает прекрасную историю в стиле темного славянского фэнтези. Жестокие бои, сложные решения, моральные дилеммы, проработанный мир, ворожба, магия и мудрость древних жрецов и волхвов – все это вы найдете в этом мире. Здесь нет места слабости и трусости, а только долг, семейные узы и преемственность поколений. Это мир наших предков, который учит тому, как правильно поступать, и что такое «жить по кону».

Содержание

Предисловие	4
Глава 1	7
Глава 2	31
Глава 3	59
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Осколок души

Предисловие

Это вторая книга из серии «Славянский дом», которая продолжает прекрасную историю в стиле темного славянского фэнтези. Жестокие бои, сложные решения, моральные дилеммы, проработанный мир, ворожба, магия и мудрость древних жрецов и волхвов – все это вы найдете в этом мире. Здесь нет места слабости и трусости, а только долг, семейные узы и преемственность поколений. Это мир наших предков, который учит тому, как правильно поступать, и что такое «жить по кону».

Д. Цаков

Продолжая прочтение данного произведения, вы подтверждаете, что вам есть 18 лет и свое согласие с нижеуказанным.

Данное произведение доступно только лицам старше 18-ти лет, и может содержать детальные описания боевых сцен, увечий и насильственной смерти. Произведение не носит цели шокировать, поразить/оскорбить зрителя. Некоторые сцены, места, диалоги, события и герои являются вымышленными и введены для усиления художественной образно-

сти. Данное произведение носит исключительно развлека-
тельный характер и не используется для распространения
информации с целью опорочить гражданина/отдельные ка-
тегории граждан, в том числе по признакам пола, возраста,
расовой/национальной принадлежности и иным признакам.
Данное произведение не направлено на оскорбление чело-
веческого достоинства, общественной нравственности, ре-
лигиозных чувств верующих, осквернение литературы/пред-
метов религиозного характера, знаков/эмблем мировоззрен-
ческой символики/атрибутики. Данное произведение не со-
держит призывов к осуществлению/поддержке террористи-
ческой/экстремистской деятельности/организаций, а также
иной противоправной деятельности, в том числе изготов-
лению, хранению, употреблению, распространению нарко-
тических средств и не является пропагандой вышеуказан-
ной деятельности. Целью данного произведения не является
распространение заведомо ложной информации под видом
достоверной и/или демонстрация действий, выражающих
неуважение, дискредитацию общества/государства/офици-
альных государственных символов. Данное произведение не
призывает к совершению действий/бездействия против об-
щественной безопасности и общественного порядка. Мне-
ния, озвученные в данном произведении, являются оценоч-
ными суждениями и в соответствии с принципом свобо-
ды слова, закрепленным в Конституции РФ, свободны к
распространению и не являются призывом к совершению

противоправных действий, а также формируются исключительно в рамках фэнтезийной книжной вселенной «Славянский дом». Совпадения имен и событий случайны. События недействительны.

Глава 1

Умелый художник наносил на большой холст различные пометки. Заранее отбеленная шкура была крепким подспорьем для новой карты земли славянской, границы которой в планах сдвигать не было. Однотонный ландшафт переключался с холмистой и горной местностью, образуя на стыках впадины, которые и стали местами рек. Поселения, деревни и города наносились схематично, без излишних подробностей, в угоду экономии времени и сил. Ведь были и кочующие племена, которые постоянно отправляли людей для основания новых земель и городов. Ну, фактически, эти земли и так были закреплены за «руссами», «ариями», «тарарийцами» и другими народами, чьи названия сливались воедино – «славяне». Произошло это посредством невозможности путешественников и историков разных народов договориться. Не было единой главенствующей организации, способной внести ясность и определенность в карту мира. Потому и, что не трактат, то новые названия и неточные границы государств. По-хорошему было бы и вовсе изолировать иностранных путников, что безудержно изучали славянские земли, но разве можно отказать в помощи путешественнику, промокшему до нитки? Сверяя и накладывая друг на друга различные карты, находились и общие черты, которые игно-

рировать было сложно. Довольно точный ландшафт, расположения сел и городов, а также места силы, которые особенно почитались древним славянским народом. Словно бы они ходили следом за Князем, вокруг которого города разрастались с такой скоростью, что с лихвой обгоняли близлежащие села. Очередной «Новгород» становился новой столицей до момента отправки Князя к новым плодородным землям и неизведанным лесам. Художник пером выводил дороги, которые забирали на себя основную часть карты. Маршруты торговцев и охранных постов несли за собой особый смысл, способный не только обезопасить добро путника, но и, иной раз, спасти ему жизнь. Жестокий и невиданный противник рыскал по родным лесам, основывая все новые и новые лагерь. Постоянные набеги на села, которые, без регулярной армии, не могли постоять за себя, превращались в пепелище и кровавое побоище. Не было сомнений, что в руки брал оружие каждый, кто мог его удержать, но против многочисленной и подлой армии Зародов сложно было выстоять в руках с тяпками. За последний год аванпостов вдоль дороги стало куда больше, но и это не защищало от вероломных нападений профессиональных хищников. Еще большей проблемой становилась тьма, сгущающаяся над миром. Множество истерзанных тел и беспокойных душ бродили по свету, отравляя все вокруг. Боль и печаль этих созданий порождали ужасных тварей, прибывших, словно из самих полей Нави. Справедливости ради, загробный мир и должен быть их

местом обитания, который, словно тюремщик, ограничивает их власть, но времена изменились. Эта темная сила боли и разрушения меняла саму структуру природы и духов, превращая их обитателей в кровожадные создания, которым нет числа. Если вчера банник¹ мог ошпарить тебя за неверно выполненный ритуал, то сегодня уже мог откусить сочный кусок или и вовсе похитить твоего ребенка. Духи помощники дурели и теряли над собой контроль, становясь кровожадными и безжалостными. Оттого и у жрецов появилось куда больше работы. Ежедневно рассказывались в местных постоянных домах и тавернах истории о мудрых старцах, которые изгоняют заблудшие души. Усталые, изнеможенные, они не могли быстро передвигаться между поселениями и спасать жизни здесь и сейчас, отчего и являлись к месту происшествия, когда оно уже наполнилось людскими жертвами. Народ постепенно делился на два лагеря: понимающих ситуацию и всю ее сложность, и тех, кто был обозлен на нерасторопность старцев. Последние, как правило, и становились потерпевшими, теряя в стычках с духами жен, мужей и детей. Требовалась реорганизация армии. Четкие изменения, которые должны обезопасить не только физические тела жителей, но и их души, страдающие ничуть не меньше. Потому и собрались вместе мудрые правители, не знающие ни покоя,

¹ Банник – дух, персонаж славянского фольклора, обитающий в бане. Это существо, при верном исполнении ритуала, даровало здоровье и бодрость посетителям бани, но мог и напакостить, если его оскорбить.

ни усталости, для решения этих, и многих других вопросов. Союз поселений еще не был создан, но на словах Князя уже давно договорились об объединении против общего врага. Это совершенно не значило, что появится общий правитель, однако, о выборе главнокомандующего на период военных действий, разговоры велись уже давно. Но подобные идеи выносили многие соседние государства, которые потеряли голоса предков и укрепились на новых территориях, не желая признавать свои корни. Темное время настало для народа славянского, который постоянно отвоевывал свою независимость мечом и топором. Неугомонный сосед постоянно норовил откусить кусочек пирога от общего пира. Невидимой и неосязаемой чумой с западных стран неслись отголоски нового времени, немедленных реформаций. Их народы, отождествленные от славян, все больше углублялись в экономику и материальные блага, теряя нравственность и духовность. Славянин трепетно и с состраданием относился к своему далекому брату, который просто заблудился, пытаясь образумить его. Но при том же стоял на своем, не позволяя внедрить в свой разум смятение и тревогу. Таков стал мир на третий год после «Пробуждения»². Доподлинно неизвестно, как, и при каких обстоятельствах, произошло это действие, но сомнений у жрецов не было, оно действи-

² «Пробуждение» стало новой точкой отсчета славянского календаря. В стародавние времена именно великие и судьбоносные события служили точкой опоры при переходе в новый жизненный круг.

тельно случилось. Наступало время жестокой и подлой политики, а также интриг, лжи и предательств.

Терон ходил среди лавок и навесов с разными товарами и осматривался. Множество яств лежали на прилавках: острые приправы, разнообразные орехи и ягоды, мягкие и пестрые ткани для дома и убранства. Разнообразие товаров не было числа, но объединяло их одно – у каждого была своя цена. На подобных приграничных базарах не был в ходу товарный обмен, потому и принимали торгаши металлами, которые точно можно пустить в ход. Этим металлам давались разная драгоценность и вес, чтобы поточнее можно было определить выгоду. Простому славянину ни к чему были эти светящиеся кусочки, но он прекрасно понимал, что маленький желтый металл можно обменять на месячный запас еды, но куда практичнее на него купить новый крепкий плуг для обработки полей. Казалось это им мудрым и логичным решением, чтобы с комфортом выполнять свои домашние обязанности. Сложнее на базарах было с женщинами, которых, словно сорок, привлекали разные побрякушки. Но то касалось только совсем юных, взрослая же дама куда больше заглядывалась на крупные чаны для готовки в печи. Ей, вообще-то, семью кормить, а не красоваться перед селянами. Умиляли эти разговоры Терона, когда он слышал шутливую брань супругов. Особенно забавным было, как детки подергивали отцовский рукав, то и дело указывая на какой-то приглянувшийся товар. Вели себя сдержанно и скромно, либо

смиренно принимая отказ в покупке за ненадобностью, либо аргументированно пытаясь доказать, что вот именно этот деревянный меч пригодится в хозяйстве, а не какой-либо другой. Очевидно, что далеко не у всех мог завалиться сверкающий драгоценный металл, так что товарный обмен еще жив, и жить будет долго. Вопрос был только в отношении к нему, что некоторые торговцы ну никак не хотели менять глиняную расписную вазу на пару десятков яиц, еще и выражая невиданное оскорбление к своей персоне.

— Говорю тебе, до сих пор вой слышно в тех местах, ни ногой я туда больше не полезу. — Воскликнул мужчина в лисьей шапке, которого, очевидно, потряхивало.

— Да кого тебе там бояться, — парировал тучный торговец оружием и разного рода железными изделиями, — ну трупы и трупы, что в этом такого? Давно же было-то!

По толстой морде этого торговца можно было сделать вывод, что живет он достаточно фривольно, не ущемляя себя в разного рода угощениях. Не говоря уже о том, что ратный физический труд ему явно был незнаком.

— Не будет товара, значит, не будет и нашей сделки. — Торговец сложил на груди руки, что далось ему не малыми усилиями.

Мужчина сорвал с головы свою лисью шапку, словно пытаясь продолжить спор, но тут же осекся, услышав позади шаги Терона, и отошел в сторону, теряясь в толпе.

— Здрав будь, брат по ремеслу, — добродушно подошел

Терон, — чем торгуешь?

— Брат? — Ехидная улыбка проскользнула по лицу. — А разве твоё барахло покупает кто-то?

— А как же, мои артефакты и истории эксклюзивный товар, который найти куда сложнее, чем ты думаешь.

— Историями сыт не будешь. — Торговец встал в пол оборота, демонстрируя свое нежелание продолжать диалог. Учтивым поклоном Терон попрощался и вернулся к палатке, где его уже ждала Мира.

А девочка времени зря не теряла и всеми силами помогала своему опекуну в продажах. Кто бы знал, что в ней проявится потрясающий талант рассказчика. Одна из ее любимых историй была о доблестном воине, который в одиночку смел целое полчище Зародов, оставляя после себя только трупы неприятелей и захватчиков. Открыв рты, слушали ее дети, восторгаясь подобными подвигами, когда их родители скептически относились к подобной истории. Все непонятно было им, откуда бы девочке знать столько подробностей той битвы, неужели сама присутствовала? Мира росла умной девочкой, и ей точно хватало сообразительности не рассказывать уж совершенно редкие небылицы, как, например, путешествие в мир Нави. Уже давно с Тероном они обсудили это, не желая привлекать к себе ненужное внимание. На границах с западными государствами нельзя было говорить о тайных знаниях, которые им открывались, не говоря уже о том, что это крайне опасно. По окончании истории толпа

разбрелась, а девочка, в два прыжка, добралась до Терона и схватила за руку.

— А я все чашки продала! — С довольным лицом она заглядывала в глаза.

— Вот так дела, они же половина треснутые были, как умудрилась-то? — Терон бросил взгляд на ящик, и, в самом деле, не обнаружил там товара.

— Они как узнали, что это рукотворные чашки мастеров из покинутых деревень, то сразу накинлись. Но больше одной никто не брал.

— Ну, наши, видимо, брали, на память светлую. Мало кого не коснулись набегу зверей, — вслух рассуждал торговец.

Терон встал за прилавок и принялся осматривать оставшиеся товары с целью определить, что предложить людям. Среди прочего, ему на глаза попадались и вполне легендарные предметы и книги, которые на местном базаре наверняка никто не купил бы, а были и вполне себе посредственные. Не сказать, что они были обычными, но на «редкость» не тянули. Неподалеку по базару шли отец с дочкой, которые перешучивались и играли. В какой-то момент, он подхватил ее на руки, и посадил себе на плечи. Мира с любопытством глядела на них, слегка поджимая коленки и переминая пальчиками подол своего сарафана. В такие моменты Терон чувствовал себя немного неполноценным и подозревал к себе девочку. Жестом он указал ей на небольшой деревянный табурет и обошел сзади. Из кармана медленно выплыла, вслед за

пальцами, красная ленточка с оранжевой окантовкой. Торговец аккуратно собрал волосы и принялся вплетать Мире ленточку в косу.

— Ты так активно рассказывала историю, что все волосы растрепала, — улыбался Терон.

Мира сидела к нему спиной и не видела лица, но по его касаниям четко понимала, что он улыбается. В процессе, девушка замялась, но, все же, начала разговор.

— Дядюшка, а ты нашел братика? — Звучало в полголоса.

Торговец ответил не сразу, словно выбирал слова и факты, которые можно было бы рассказать. Ему совершенно не хотелось ничего скрывать, но чувство такта никто не отменял. Кроме того, собеседница и так была достаточно впечатлительной.

— Есть одна зацепка, но это может быть пустой след. Потому и не хотел обнадеживать раньше времени, — его пальцы ловко завязывали косичку.

— Так давай проверим! — Мира резко обернулась, выдернув волосы из рук.

Терон спокойно, пальчиками, снова развернул ее голову от себя, слегка распустил косичку, и принялся заплетать заново.

— Я буду рассказывать, а ты, дорогая моя, не вертись.

Мира была вполне себе послушной не только потому, что ее спасли в свое время, но и потому, что бескрайне доверяла своему опекуну, не меньше, чем доверяла бы родителям. Во

время их долгих путешествий они прикипели друг к другу, в каком-то смысле, даже полюбились.

— Слышал на базаре один слухок, что какой-то воин, по просьбе селян, уничтожил нечисть на южной границе, а пользовался он ярко-голубым луком, — Терон ощутил, как девчушка заерзала на месте, едва сдерживая себя, — и спутница с ним была, молодая девушка, с волосами цвета вороного крыла.

— Это точно он, проверить надо! — Мира снова обернулась, и выдернула волосы из пальцев торговца.

Спокойствию Терона можно было позавидовать, он вновь развернул голову девочки и спокойно продолжил заплетать.

— Продолжу рассказ, когда закончу с волосами.

— Это нечестно!

— А нечего было вертеться.

На телегу Терона ревностно смотрели все торговцы. Мало того, что ее тянул массивный вол, который не знал усталости, так еще и сама она была выполнена на совесть. В свое время, Ратимир немало помог ему в создании этой телеги, применяя свои старые навыки плотника. С тех времен она претерпела изменения: добавилась парочка окон со ставнями, а также, сиденье извозчика было обшито мягкими тканями и находилось под небольшим козырьком, позволяя вести телегу даже в дождливую погоду с относительным комфортом. Когда плотники выдалбливали в стенах ему окна, то ругались знатно: «что-ж это за древесина такая, твердая, словно

сама Навь ее породила». Терон не обращал на это внимания, а лишь загадочно улыбался, наблюдая за стараниями мужиков. Но нет того славянина, который бы со своей работой не справился, так что все прошло по высшему разряду. Для Миры, позади телеги, он тоже сделал небольшой выступ, чтобы можно было сидеть в пути снаружи, а не париться внутри телеги с товарами. Кроме того, добавилась и ступенька для подъема, все-таки высоковата телега была для девчушки. Только вот, единственное, что ему казалось странным в телеге, будто бы снаружи она меньше, чем внутри. Однако, не стал тогда торговец вникать в этот вопрос, а списал просто на великолепные конструкторские навыки Ратимира. Все-таки грамотный был человек, рукастый и сильный. Все думал еще Терон о том, чтобы сделать борт телеги открывающимся, но в тех условиях это было бы затруднительно, и старый друг точно бы высказал все, что о нем думает. Упоминал еще тогда старый воевода своих соседей, что обучали его плотницкому делу. Обычно так не происходит, ведь каждое знание является ценным по своей природе, и «за так» не отдается в чужие руки. Но кто был бы тот человек, что отказал бы в помощи самому Ратимиру? Таких, к счастью, не нашлось, ведь поделиться знаниями – это меньшее, чем они могли бы ему отплатить за помощь, заботу и защиту. Воспоминания старых времен бередили душу торговца, заставляя снова и снова пускаться в путь. Да и новые истории и артефакты сами себя не продадут. Но это не единственное, что тревожи-

ло Терона. Его давнее обещание, данное Мире, найти родителей девочки, было куда тяжелее, чем казалось на первый взгляд. Живого-то человека найти сложно, не говоря уже о мертвом. Пойди и пойми, что искать, толи захоронение, толи оскверненный блуждающий труп. Последний вариант, и в самом деле, был ужасен, но уже не так удивителен, учитывая текущие дела. Нужен был какой-то толчок, начало, подсказка.

Вожжи бодро хлопнули по спине вола, который ленивыми шагами приводил телегу в движение. Мира вновь бросила в торговца недовольный возглас, подсказывая, что Буяну может быть больно. Других способов управлять такой большой скотиной Терон не знал, потому и не стал отказываться от вожжей, пусть так и просила сама Мира. Кроме того, девочка должна понимать разницу в обращении с животными, что ему подобный щелчок, словно похлопывание по спине. Да и иногда слышать «нет» полезно, как молодой, так и взрослой женщине – так считал торговец. Но все детское естество Мира и ее непосредственность постоянно бередили безутешное сердце Терона. Стоит уточнить, что девочка уродилась очень милой, а от внешности веяло восточной кровью. Ее волосы немного выцвели, обретая пепельный оттенок, карие глазки-пуговки отражали мир, словно зеркала. А лисий разрез глаз и вовсе таил в себе некую загадку и игривость. Если, в свои почти пятнадцать лет, девушка уже так красива, то не сложно представить, как быстро растут переживания Терона

по поводу ее будущего. Мира же не обращала на это никакого внимания, не понимая суть волнений. Ей куда важнее было выслушать мнение торговца, который во всем помогает своей юной спутнице.

Спустя немного времени накатанная дорога закончилась, и начались ухабы. Телегу трясло, а в багажном отсеке звенела посуда. Бедная Мира подкладывала под себя все больше мягких тканей, чтобы не ушибиться. Хорошо, что на таких кочках Буян замедлял темп, позволяя больше наслаждаться красотами. Бескрайние поля, над которыми виднеются белые балахоны облаков, сверкали на солнце. Маленькие фигурки пахарей мелькали, словно рыбки над водой. Металлические косы взмывали в небо и вновь ныряли в это золотое море, поблескивая в дневных лучах. Отдаленные дома деревушки работников уже во всю готовились к вечерней трапезе. Виднелись тонкие струйки дыма из дымоходов. Это уже были совершенно новые поселения, которые только-только внесли на карту, а торговец уже знал о них. Ведь в княжеской лавке Терон не мало средств потратил на то, чтобы заполнить уже готовую карту торговых маршрутов и мира в целом. Только, на самом деле, его весь мир не сильно волновал, пока что, а вот близлежащие просторы – очень даже. Только для особой касты людей эти карты были доступны в полном и подробном виде, к тому же, бесплатно. Остальным же приходилось довольствоваться записками и заметками охотников. По правде говоря, в их работу входило составлять карту

ближайших земель, а вот сами же маршруты рисовали и помечали гонцы. Так что совсем «темным» не остался никто, заботясь каждый об общем благополучии. Только вот, промежуточные остановки отмечались слишком уж схематично, обозначаясь определенными символами. Часто бывало, что сама природа подсказывала путнику, куда лучше свернуть, что не приходилось даже сверяться с картами. Такие вот места, которые требовали к себе внимания и изучения, и помечались на безразмерных картах территорий. Хорошо хоть, в свое время, была придумана такая вещь, как масштаб, позволяющий ориентироваться с куда большей точностью.

— Этой дорогой мы не поедem, — бубнил себе под нос Терон, — надо бы позже прикрыть телегу, а то мало ли что.

Маршруты, которыми пользовался торговец, были безопасны только в определенное время суток. На этих дорогах, как по расписанию, орудовали хищники и Зароды, отпугивая разбойников всяких мастей. Ведь переходя на обмен металлами, появились и желающие пожить за чужой счет. Мешок серебра или золота куда проще утащить, чем условное стадо, которое собирались продать. Казалось, что эти изменения однажды приведут к необратимым последствиям, но тогда еще никто не представлял, к каким. Терон уже давно обучил девочку условным знакам, и заранее предупреждал, когда стоит затаиться и прикрыть добро тем или иным покрывалом. Мира же тоже держала ушки востро. Необычный талант был у девочки чувствовать неприятности, от чего она,

еще до команды торговца, знала, что и когда делать. Тяжело стало торговать, постоянные опасности на дорогах неумолимо повышали цены товаров и услуг. Более-менее себя чувствовали только оседлые торговцы и кузнецы, которым не было надобности путешествовать. Эти старожилы своего дела всегда могли разжиться и с помощью услуг, либо подкову починить, либо же, знаниями поделиться. И не было деревни, где не хватало мастеров своего дела, если, конечно, разговор не о жрецах.

Вдалеке вздыбилась пыль. По дороге, с постепенно приближающимся грохотом, неслись всадники верхом на лошадях. Их приближение не стало сюрпризом, ведь, примерно в это же время, должен проезжать патруль, только вот, что-то он сильно торопится. Чтобы Буян не испугался, Терон повел телегу ближе к обочине. С широко раскрытыми ноздрями лошадь едва удерживала на себе тяжело экипированного воина. Седельные сумки были совершенно пусты, а на поясе висел меч с рукоятью, предназначенной для княжеской кавалерии. Таких всадников было четверо, ровно, как и их лошадей, которые уже давно, судя по всему, не видели отдыха. Последние двое за спиной имели луки. У кавалеристов имелись на руках множество мелких ран и порезов, так что оружием они орудуют довольно часто. Поднятая вверх рука приказывала остановить повозку.

— Доброго дня тебе, грек, куда путь держишь? — Властным, но не лишенным дружелюбия, голосом проговорил

старший патруля.

— И вам доброго дня, славяне, в город возвращаюсь с границы. — Терон едва заметно осматривал своих собеседников.

Один из всадников в это время объезжал телегу вокруг, удерживая руку на гарде. Лучники же слегка с опаской поглядывали на Буяна, который, пользуясь случаем, лениво жевал траву с обочины.

— И как торговля? — Звучало с некоторым подозрением.
— Удачно?

— Да какое там, — торговец расплылся в настолько широкой улыбке, на какую только был способен, — все металла хотят, а я лишь безделушки вожу.

Начальник патруля, буквально богатырских размеров, внимательно заглядывал в глаза Терону. Каждый из присутствующих просто выполнял свою работу, так что с уважением относились к любого рода вопросам.

— Угодно ли вам будет мою торговую палатку осмотреть?
— Опережал вопросы Терон. — Может, что-то подберете, а то сегодня я и вовсе могу голодным уснуть.

Воины патруля были далеко не глупы, потому и ощутили подозрение в свою сторону. Если торговец расскажет о том, что едет с богатствами, то он либо лжец, либо выжил из ума. А предложение проверить карету, и вовсе можно было воспринять, как жест доброй воли. Только вот, один из лучников подъехал к командующему и что-то шепнул на ухо. Оба уставились на мохнатую голову Буяна и улыбнулись.

— Были ли еще всадники на пути к городу? — Круговым движением руки, командир приказал отряду вернуться к построению.

— Нет, уважаемые, да и в дороге я всего ничего, только недавно выехал.

— Так тому и быть, — звучал командирский голос, — а по темноте в лес не заезжайте, лучше переночуйте в поле. Не безопасно там нынче, тем более для детей.

Хлесткий щелчок, едва различимый бас, и кони пошли сначала рысью, а спустя время и галопом. Терон заметил, как его бросило в жар, а затем в холод, и ловко спрыгнул с кареты. На бороде Буяна, которую не видно с места извозчика, красовалась милая косичка, в которую были вплетены ленточки. Разумеется, что этому очаровательному созданию прическа шла, но при том же намекала о наличии детей или женщин в повозке. Так что, украшение пришлось снять, дабы не случилось чего непредвиденного. Вол расстроился и фыркнул неприятным запахом изо рта, демонстрируя свое недовольство. Он был очень умным животным, словно козочка, от чего и не стал долго дуться, вновь потягивая за собой карету. Терон же не хотел расстраивать Миру, откладывая все разговоры на потом, а лишь спрятал в карман ленточки, которые потерять было бы преступлением.

Пусть и смеркается сейчас поздно, но и разбитие лагеря тоже требует времени, так что путники решили остановиться в поле у самого края леса, чтобы отдохнуть. У одного сво-

его коллеги по цеху Терон подсмотрел одну уловку, чтобы не было непредвиденных гостей. Вдоль опушки он навязал длинные нити, на которых висели попарно железные чашки и прутики. Ветер не колыхал их, но зато касания приводили в движение, издавая высокий и тонкий звук, похожий на гусли. Верхние ноты этого инструмента играли, словно на магической чистоте, и слышны были издалека. Не было сомнений, что подобная ловушка сможет вовремя предупредить о приближении нежелательных гостей. Сами же гусли всегда были в ходу у славян. Считалось, что это чистая и свободная музыка самой природы. Звучание этого инструмента могло расслабить, довести до слез, или же заставить пуститься в пляс, настолько удивительной была эта музыка. Небольшой костерок согревал косточки путников, едва только появилась вечерняя прохлада. Вода в котле бурлила, слегка подбрасывая разные травы. Этот рецепт Терон подсмотрел у другого торговца с дальнего востока, где, при кипячении этих трав, получался довольно вкусный напиток. Определенный рецепт придавал бодрости, другой же – расслабления, а приятный коричневатый оттенок не отталкивал, а лишь манил к себе. Аромат тоже был особенным от каждого сбора. Полюбился торговцу такой напиток и своими полезными свойствами, и своей атмосферой, идеально дополняющей звездное небо. Чертог орла был в самом своем цветении и выделялся на небе среди прочих. Торговцу хотелось приобрести и подробную карту звездных троп, но не нашлась

наиболее точная и угодная по его вкусам. Слишком много неточностей стало появляться в картах созвездий, сливая в себе информацию о тех или иных чертогах. Терона бы беспокоил этот вопрос, если бы не множество других, требующих внимания здесь и сейчас.

В целом, лагерь был готов к ночлегу, выход телеги, где обычно спала Мира, развернули поближе к костру, а сам торговец разложился на небольшом настиле, с другой стороны от огня. Логика его была довольно простой, проще реагировать на нападение, и оставить побольше места для юной красавицы, не ущемляя ее личного пространства. Своих детей у Терона не было, и он понятия не имел, как с ними обращаться. Но помнил он всегда, что какого бы возраста не была женщина, она всегда остается женщиной, пусть даже и такой юной. А значит, и вести себя нужно соответствующе. Разумеется, что девочка и ухом бы не повела, если бы торговец улегся вместе с ней в телеге, но мужчина испытывал неловкость и выражал ее в заботе. Ему важно было понять, кем считает его названная дочка, но спросить об этом прямо не мог, толи от страха, толи от все той же неловкости. Ночь была спокойной. Отдаленные крики птиц убаюкивали, постепенно пропадая в ночной тишине. Шелест деревьев и листьев был совершенно ненавязчивым и спокойным. Не слышны были ни хрусты веток, ни движения зверей, которые могли бы одичать от окружающего славянские земли хаоса. Буян тоже мирно дремал подальше от огня. Как-то,

однажды, он лег слишком близко к костру, от чего его мех загорелся, оставляя за собой ожоги, которые торговец долго ему залечивал. Бедный вол с тех пор не любит открытый огонь и старается его избегать. Это даже к лучшему, не хватало только, чтобы здоровенный испуганный бык, к тому же похожий на факел, разнес весь лагерь и поджег карету. Ночное небо жадно поедало плавно убывающую луну. Ночь все больше вступала в свои права, накрывая лес своей непроглядной смолянистой тьмой. Терон и Мира уже давно спали. Они спали, и совершенно не видели, что творится вокруг. Под далекое уханье совы, в лесу постепенно загорались бледно-голубые огоньки. Они медленно плыли по воздуху, образуя собой едва не затухающие языки пламени. Можно было бы подумать, что так светляки решили ободрить гостей своим дивным танцем, но цвет им совершенно не соответствовал. Свечение их было не сильным, а лишь напоминающим отголоски далеких звезд на ночном небе. Пытливый ум давно бы уже попытался отыскать в этих огоньках созвездия, словно на небе, но этот ум сладко спал. Спал и видел прекрасный сон обо всем на свете. Но сны редко являются развлечением, скрывая за собой таинства и загадки. Нередко эти причудливые образы и картинки складывались в целые истории, а иногда и в пророчества.

* * *

Терон стоял на большом каменном мосту, шириной в две телеги, и озирался по сторонам. Под ним, всеми переливами синего цвета, текла спокойная неглубокая река. Рыба плескалась в той речке, выпрыгивала из воды, выписывая ловкие пируэты. По обоим берегам было много растительности, видно, что эта речка дикая. Даже на дистанции взгляда было всего одно место для подхода к воде, где дремал ленивый рыбац в руках с удочкой. Его соломенная шляпа нависла над лицом, а удочка давно уже выпала из рук. Неизвестно, какой уже сон он видел, но ему определенно было хорошо на солнышке, ведь погода в этом сне на редкость чудесная. По одну сторону от моста стояли массивные ворота, ведущие в богатый город. Шикарные разноцветные флаги из дорогой ткани висели над проходом, который охранялся стражей в латных доспехах. Точнее, даже не стражей, а стойками, на которых аккуратно висели отполированные доспехи. Несмотря на завораживающий вид каменных шпилей и мощных дорог, народу совершенно не было. На этом мосту Терон стоял один. По другую сторону реки была довольно простая, но далеко не беззащитная деревушка. Песчаная дорога, посыпанная камнями, извивалась и уводила вдоль леса вглубь деревни. У самого берега стояла совершенно пустая караульная вышка, у ее подножия находились парочка деревянных бочек и коробки. Сама же деревушка не отличалась ничем примечательным. Множество соломенных крыш с кирпичными дымоходами, из которых валил дым, виднелись на фо-

не горизонта. Плетеные изгороди цвели, обмотанные диким виноградом. Веяло от той деревни чем-то теплым и домашним, чем-то, что так не хватало торговцу. Сделав несколько несмелых шагов, Терон неуверенно побрел в сторону деревушки, в надежде услышать детский смех и веселье. На его удивление, мост никак не заканчивался, а деревня словно все дальше удалялась. Торговец обернулся и резко глубоко вздохнул. Перед ним были все те же каменные ворота в город, от которых он так долго удалялся, но на этот раз куда ближе. Понимая, к чему все ведет, Терон провел несколько проверок того, не сходит ли он с ума. Затем пошли тесты на магию и попадание в мир Нави, который для него уже не был таким уж тягучим и удивительным. Не то чтобы он был там частым гостем, но если всего даже пару раз вернулся оттуда целым, то, считай, уже избран богами. Оставался один вариант – это и есть место души. Впервые в жизни торговцу удалось попасть сюда, услышать себя, свой внутренний зов, и почувствовать, как поет его сердце. Стоило только это осознать, как сзади послышалось чавканье. В легком приступе паники Терон обернулся и рефлекторно положил руку на пояс, где должен был находиться короткий кортик. Но оружия там не было, однако, оно бы и не пригодилось. Перед ним стоял Буян, который медленно жевал траву, что проросла через, пусть и монументальный, но давно заброшенный мост. За ним же была и телега, претерпевшая множество изменений за время своего существования, что всегда являлась вер-

ным спутником торговца в пути. Неуверенными шагами он приблизился к дверке и резко распахнул ее, ожидая увидеть Миру, но ее там не оказалось. Вместо девочки была только ее аккуратная постелька, смятая и теплая, словно она только что с нее встала и убежала умыться. В каком-то внутреннем порыве, полном ожиданий и надежд, Терон заглянул под повозку и увидел перед собой козочку. Животное смотрело на него в упор, ожидая какой-то реакции. Сам же торговец не готов был получить рогами в лоб, если бы случайным действием напугал козу, и попятился медленно назад. Однако, животное выкрикнуло свое пронзительное «бе-е» и лизнуло Терона в нос. От неожиданности он отдернулся и ударился головой о телегу.

* * *

Утро было теплым и солнечным, как и положено в это время круга жизни. Пахло мясом и свежими нарезанными овощами. Игривый луч солнца проскочил между листьями дерева и ударил прямо в левый глаз, сопровождая это действие влажным поцелуем. Торговец открыл глаза и увидел перед собой Буяна, который, пока пытался разбудить хозяина, буквально залил его слюнями. От животного чувствовалось странное беспокойство, но, когда Терон улыбнулся и погладил его по макушке, то массивный вол фыркнул и побрел к самому свежему кусту на поляне. За телегой слышались

озорные шаги Миры, которая заботливо готовила завтрак. Она вприпрыжку скакала от телеги к костру, постоянно что-то помешивая и переворачивая. Это было прекрасное и доброе утро. Такое, что любой бы позавидовал. Торговец лишь глянул вдаль на ясное небо и поймал себя на мысли, что готов на многое, лишь бы эти беззаботные деньки никогда не заканчивались.

Глава 2

Терпкий древесный аромат наполнял легкие и окутывал густой непроглядный лес. Зеленый кустарник загораживал обзор и путал тропинку, что вела в самую чащу. Смешанный лес пестрил изобилием растений и деревьев, формируя непередаваемую красоту славянской чащи. Даже сухие корни отлично вписывались в общую картину безмятежности. Погода стояла, если не прекрасная, то, определенно, чудесная. Отдельные ленивые облака придавали голубому небу разнообразия, изредка скрывая путников от прямых солнечных лучей. А густые кроны деревьев создавали причудливые игры теней, убаюкивая и успокаивая даже самый буйный звериный нрав. Ярило благоволил земле славянской, щедро одаривая землю своим золотым сиянием. В такую погоду самое лучшее прогуливаться в тени деревьев, безмятежно болтая с очаровательной девчушкой, задорно перекидываясь колкостями и неоднозначными взглядами. Такого мнения придерживались практически все молодые люди, которые были обременены сердечными и пылкими чувствами. Ведомор же понимал, что ему не время отдыхать, ведь цель, к которой он стремился, была куда важнее всех возможных развлечений. Олеся, пусть и являлась к нему во снах, но не была достаточно настойчива, чтобы стать главным предметом его поис-

ков. Разумеется, он тосковал по девушке, но не так, чтобы все бросить и ринуться на ее поиски. Так что эти сны становились лишь отголосками его внутренних мужских желаний. Очень чувственных и нежных желаний. По совету Галы, он решил действовать постепенно и решать проблемы по мере их поступления. Ведь за эти года он ни капли не приблизился к тому, чтобы найти местоположение матери и сестры. Агния с дочерью словно канули в лету³, и очень умело замели за собой все следы. Каждый шаг, когда Ведомор чувствовал, что вот-вот их настигнет, они ускользали, как вода сквозь пальцы. Глупо было рассчитывать, что уже более двух лет это происходит по совершенно глупой случайности, стало быть, дело в чем-то другом. Да и волшебный клубок, что был оставлен Ягой, указывал совершенно непонятные направления. Ведомор даже стал задаваться вопросом о том, а на самом ли деле для него сейчас самое главное, это найти мать и сестру?

Лесная тропа становилась все более узкой и хоженной. Словно дочерние ручейки впадают в реку, так и в эту дорогу впадали множество тропинок от ближайших поселений. По информации от селян, в этих местах обитает толи волхв, толи колдун, который способен своей ворожбой обнаружить кого угодно. Нередко к нему обращались деревенские за по-

³ Кануть в лету – значит, пропасть в небытие, исчезнуть во времени и пространстве. Славянские корни фразы в том, что лета(о) – это название целого года, а не только теплого времени года. Греческое же – где Лета является рекой забвения в загробном царстве.

мощью, чтобы найти пропавших детей или скот, которые пытался забрать к себе сам леший. Все понимали, что глупо играть в игры с лесным царем, потому и обращались к человеку, умеющему и знающему. По непонятным причинам, он не брал практически никакой платы, а довольствовался только тем, что сами просящие приносили ему в дар. То могли быть и яства, и предметы домашнего уюта, рабочий инвентарь, и очень многое другое. Каждый сам определял то, что готов принести в дар за его помощь. Пусть это будет даже маленькое зернышко, но колдун всегда радовался ему, словно подарок был размером с приличный деревенский дом. Но были и моменты, когда он просил что-то конкретное, что сам никто не догадался бы принести. К примеру, для ворожбы ему требовались три пучка травы особой, а он просил четыре, чтобы у себя посадить и более не выпрашивать ни у кого. С каждым разом людям все тяжелее было выбрать для него дары в благодарность, потому и стали по итогу нести все, что плохо лежит, местами даже обесценивая его труд.

Невысокая деревянная оградка, крепкая и свежая лестница, ухоженный двор. Одинокая лачуга посреди лесной опушки совершенно не выглядела заброшенной, скорее наоборот, вполне себе достойной. По старым обычаям и удобствам огород располагался за домом, чтобы не потоптали и лишний раз не заглядывали. Полезные травы и растения росли в одной части, а овощи для пропитания – в другой. Только отдельные виды культур прорастали в горшках на крыльце до-

ма, поскольку не терпели соседства с другими сорняками и травами. К каждой такой травинке тут относились с трепетом и заботой, словно это были бы родные дети. Таков был Далебор, хозяин данного двора. По описанию жителей казалось, что человек настолько мудр и ловок в своем деле, что прожил едва ли не две-три жизни. Кладезь знаний, который он накопил за время своего существования, был сравним с легендарными книгами, наподобие книги Зимы, которая все также хранилась на поясе молодого воина. Однако, не так было все просто. Перед путниками предстал довольно молодой юноша, чуть старше самого Ведомора, выглядел он опрятно и свежо, словно только что из живой⁴ воды вылез. Простое славянское платье и небольшая повязанная на лоб тряпка подсказывали, что прервали его во время домашних дел.

— Что-то припозднились вы, я уж думал и не придете во все! — Послышался задорный голос Далебора, который приветливо махал рукой путникам.

— Дорогу искали долго, — в меру громко ответил Ведомор, — а ты разве ждал нас?

— А как не ждать то? Ворожба-то не врет!

Гала ощущала обычную защитную магию от оградки, с примесью чего-то терпкого, что было ей совсем незнакомо.

⁴ Живая вода – мифическая субстанция, которая может быть рекой, дождевой водой или даже ключом. Особенность ее в том, что она может вернуть молодость, силу, здоровье и даже жизнь. Она не является водой в прямом смысле, но может быть ее воплощением.

Она смирно сидела на плече своего спутника и озиралась по сторонам в поисках деталей, которые могли бы подсказать, что за колдовство использовал Далебор. Только она заметила неизвестную ей травку, пучком собранную у самого входа, как Ведомор уже перешагнул через порог. В ту же секунду гордая птица обратилась человеком и рухнула на землю с высоты роста молодого воина.

— Гала, ты чего? — Непонимающе потупил взор Ведомор.

— Ха-ха-ха, — разразился смехом молодой колдун, — это защита от оборотней, чтобы я всегда знал, кто ко мне в гости пожаловал.

Своей добродушной улыбкой Далебор показывал, что это просто досадное недоразумение, о котором он элементарно не успел предупредить. Гала же, в свою очередь, недовольно глянула на хозяина двора, едва скрывая свое смущение от неловкой ситуации. Радужный хозяин лишь открыл настежь дверь и пригласил путников в дом. На столе, среди прочих яств, уже стояла горячая уха, с пылу с жару.

— Ты же любишь уху, верно, Ведомор? — Усаживался во главе стола Далебор. — И не спрашивай, откуда я знаю, ответ будет тот-же.

Не выдумывая лишних опасений, путники приняли приглашение и приступили к трапезе, все-таки нельзя отказывать хозяину в его радушии. Теплый древесный аромат ухи питал пространство избы, наполняя заботой и уютом. Ломти

хлеба отрывались один за другим, слегка отдавая испариной. Спутнице же радушно были предложены семечки подсолнуха в качестве закуски, от которых она отказываться не стала.

— Ну, рассказывай, кого ищешь?

— Ищу родных, мать и сестру, — замедлил трапезу Ведомор, — который год не могу выйти на след. Точнее даже...

— Постоянно на след выходишь, но он обрывается? — перебил Далебор, закончив фразу. Еще не раз этот юноша будет поступать подобным образом, раздражая всех присутствующих.

— К чему вопросы, если уже и так знаешь, зачем пришли?

— Лицо молодого воина даже не дрогнуло, а вопрос звучал монотонно и флегматично.

— Пытаюсь понять, насколько сильно тебе нужно их найти. Вещи-то принес?

— Какие вещи?

— Ну как же, личные вещи тех, кого искать собираемся, иначе не случится ворожбы. Как прикажешь колдовать?

— Говорят, что такие как ты, могут кровь от крови искать, это так?

— Это так. — Нахмурился Далебор.

— Также говорят, что подобные тебе могут и на том свете ниточку найти, это так?

— И это так... — Взор юноши слегка погрустнел и устремился в пространство избы.

— И за плату ты сможешь нам помочь, верно?

— А вот тут уже не так все просто, парень... — звучало свысока и слегка надменно, — ворожба на крови не тоже самое, что на предметах для поиска в лесной пучине. Такая магия...

— Запрещена, это так? — На этот раз оборвал уже Ведомор, определенно довольный собой до безобразия.

Далебор был достаточно мудр, чтобы не идти на поводу у подобных словесных ухищрений, отчего и пропустил последнюю фразу мимо ушей. Пару мгновений он раздумывал, после чего двинулся к своим полкам в поисках ингредиентов. Некоторое время, пока он шарил по шкафам, Ведомор с Галой спокойно закончили трапезу и отодвинули всю еду и посуду на край стола, чтобы та не мешала беседовать. Наконец, хозяин дома успокоился и, слегка запыхавшись, сел обратно за стол.

— Травки нет особой, я тебе нарисую ее, название все равно ничего не скажет. Такая только в глубине леса растет. — Далебор немного помолчал. — Ты ведь знаешь, что я работаю не за так?

— Знаю.

— А что подобное колдовство очень рискованное, знаешь?

— Тоже знаю...

— Тогда ты уже должен знать и о том, что плата должна быть соответствующая, но с тебя хватит и травки.

Ведомор молча уставился на собеседника, выискивая

скрытые мотивы, которые даже и не пытались скрыться. Далебор же не понял этого взгляда, осознавая, что буквально прямо говорит, без каких-либо подводных камней.

— Достать «кровницу⁵» будет непросто, охраняет ее довольно сильный дух, что давно уже мучает меня по ночам. Да ладно бы если только меня, все ближайшие деревни давно уже сон потеряли. Возьмешься?

— А что конкретно-то нужно сделать? Давай по пунктам.

— Бабу изгнать, а травку принести, что сложного-то?

— Бабу? — Уточнял юноша, а Гала недовольно глянула на ворожея.

— Именно так, дух женщины, судя по голосу, который воет по ночам. Избавь ее от мучений, и отправь дух восвояси.

— Я еще не изгонял духов, и понятия не имею, как проводить обряды, если ты просишь от меня именно это.

— Знаешь, — Далебор прищурился, и ложкой указал в сторону пояса, — а твоя книжонка говорит об обратном. Говори уже, берешься за заказ или нет?

— А выбор разве у меня есть?

— Ворожба говорит, что нет. Но и она, бывает, что лукавит.

— Тогда берусь. Рассказывай, где и как дело было.

⁵ Кровница – это зеленая лесная травка с розовыми побегами, которые впоследствии становятся алыми цветами. Она напоминает тонкие нити кровеносных сосудов, и способна усиливать магические свойства жидкостей, будь то обычная вода или кровь.

— Буквально сороковник⁶ назад в местных лесах произошло некоторое досадное происшествие. Детки, еще имен не имевшие, отправились в лес за хворостом, да и скуку развеять. Места наши спокойные были, безопасные, это заслуга наших охотников. Близ деревень уже давно не видели опасных хищников, да и животные домашние постоянно целы. Словно бы их вывели отсюда и вовсе, хотя, как они же и объяснили, просто обозначили хищникам свою зону охоты. А зверушка, что поменьше, почуяла места безопасные, вот и двинулись ближе к деревне, где давно уже силки, да капканы заготовлены. Но спокойно тут только в дневное время, а ночью же, когда Навь словно сочится со всех щелей, как топкий речной ил, и начинаются ужасные вещи. Видимо, от такой силы духовной и стал зверь болеть, да совсем дурным сделался. Вот и наткнулся косолапый на деток наших и погнал их в лес, да так яростно, словно они берлогу его разорили. Рано или поздно, устали малыши и уже думали, чем защищаться. За камень спрятались. Переждать. Да только валун тот совсем странный был, гладкий такой, обточенный, с надписями какими-то. Потом-то уже мы подумали, что это захоронение было, только кто же так из ума выжил, чтобы в землю тела закапывать? Ну, вот мишка силы и не рассчитал, набросился, и повалил тот камень, едва детей не прида-

⁶ Сороковник – бытовое название месяца по старому календарю от СМЗХ. Связано с тем, что раньше практически все месяцы состояли из сорока дней, а сорок один лишь нечетные. В високосные лета все месяцы имели сорок один день (каждый шестнадцатый год).

вив. И раскололась плита надгробная надвое, и вырвалось из нее что-то зловещее. Косолапый на дыбы встал, развернулся в тот же момент и умотал, сколько дури осталось. Дети благополучно вернулись, да только испуганные, все про крики твердили, да вой потусторонний. Мы-то уж подумали, что просто со страху привиделось, да не тут-то было...

Гала и Ведомор внимательно вслушивались, стараясь не игнорировать мельчайшие детали описания. Ведь иногда в самих мелочах загадка и кроется, остается только собрать ее, как картинку.

— Узнали, чей дух потревожили? Может, жрецы что говорят? — Ведомор опустил взор в массивный деревянный стол. Часть его разума находилась где-то в недрах памяти, пытаюсь вспомнить что-то похожее со страниц книги Зимы.

— А ты сам-то давно, жрецов видел? — Прозвучало с неприкрытым раздражением. — Они и так уже одой ногой в Прави стоят, так еще и гоняют бедных по всему свету белому. Потому, только на таких как ты и надежда.

— А это каких еще? — Ведомор почувствовал руку Галы на плече.

— Да вот таких охотников, что по одному ходят по миру и уничтожают нечисть всякую. Это же вас жрецы благословили на помощь им?

Гала непонимающе глядела на Далебора, пытаюсь собрать информацию воедино. Этот взгляд опытный колдун сразу прочитал и ухмыльнулся, понимая, чем может обернуться

такой разговор.

— Давно скитаетесь? — Прищурился ворожей.

— А это важно? — Стоило только кому-то ткнуть Ведомора в каком-либо незнании, как его взгляд сразу менялся. Благо, что Гала была всегда рядом и прекрасно знала, как его можно быстро усмирить.

— Вижу я, что совсем не знаете, какая обстановка на земле славянской. Пусть я и не выхожу из дома почти, но даже мне ведомы последние новости.

— К чему ты ведешь? — Ведомор явно был не настроен на игры, что последнее время все чаще приводило его к необдуманным поступкам и решениям.

— Дело сделаете, тогда я дополнительно отплачу еще и знаниями, по рукам?

Предложение было заманчивым, тем более что достаточно своевременным. Сложно путешествовать по миру, не зная ни дорог, ни безопасных направлений.

— Ты рассказ не закончил.

— Ах, точно! — Далебор всем лицом демонстрировал наигранную неловкость. — Люди стали пропадать после случая того, да не все подряд, а конкретные. Молодые парни, сильные и ловкие, в самом расцвете сил, один за другим пропадают. Много слез девичьих пролито по ним, даже охотники, что места эти знают лучше, чем постель родную, не могут найти ни людей, ни их тел. Примечательно только, что следы все вели к тому самому месту, где мишка распоясался,

да плиту поломал. Я покажу на карте, где это.

— Знаешь, — издалека заходил Ведомор, — если это дух, то я не особенно силен в изгнаниях и упокоениях. Может, мне стоит просто привести тебе жреца толкового?

— А кто тогда, если не ты? Не тебя ли Матушка зимняя нарекла?

Молодой воин замялся, далеко ему было до матери, что сведущая была не только в магии, но и в травках разных. Ко всему прочему, Словом⁷ она владела так, как никто иной. Но в целом задача была предельно ясна, пока тварь лесная мучает местных, не узнать Ведомору дорогу свою, которую так долго ищет.

— Может, нам стоит и вправду помощь привести? — Гала наклонилась к уху хозяина с некоторой опаской. — Не похоже это на мертвецов, с которыми сталкивались раньше.

— Будет тебе, Гала, — неожиданно тепло отозвался юноша, — разве что-то может пойти не так?

В головах у всех присутствующих эти слова отозвались словно вызов. Вызов себе, вызов богам, да и вызов самой природе вещей. Спустя несколько мгновений молчания, Далебор продолжил.

— Поспрашивай местных, они подскажут может что-то. Глядишь, и получится барышню прогнать без кровопроли-

⁷ Слово – основа любого славянского заговора. Предки наши верили, что и боги, и природа говорят с нами на одном языке. Потому и строили свои заклинания и заговоры на основе языка природы. Со временем знания утрачивались, и «Слово» стало привилегией колдунов, жрецов и ведьм.

тия.

— Так тому и быть. — Объявил властно молодой воин и встал из-за стола. — А у тебя точно никакой магии нет упокоить ее? Нам бы очень пригодилась.

— Моя задача увидеть, услышать и подсказать, а остальное уже не в моих силах.

На том и порешали. Путники вежливо распрощались с Далебором и отправились по самой очевидной тропинке к ближайшему поселению. Деревни не сильно отличались друг от друга, в каждой были и охотники, и собиратели, кузнецы, что вечно трудятся в поту, а также штатные врачеватели. Устройство и постройка таких деревень тоже имели схожести. Наиболее приличные дома держали в чистоте для гостей, самая широкая улица использовалась для празднеств. Люди везде были в меру счастливые, насколько это было возможно в современных реалиях. Путников встречали сдержанными улыбками в деревне Камышово, которая находилась аккурат в болотистой местности. Кроме прочего, тут было больше рыбаков, чем охотников, оттого и окутывал всю округу запах сушеной и вяленой рыбы. Разумеется, что и в мясе не было недостатка, однако подобная природа располагала более к рыбному промыслу, чем скотоводству. В болотистой местности, среди камыша и рогоза, легко можно было выращивать редкие целебные травы. Классический закон нашего мира, чем тяжелее что-то достать, тем оно ценнее. На том деревня и жила, торгуя с соседними ценными лекар-

ственными травами и рыбой. Большой вымощенный тракт соединял собой три поселения, каждое из которых охотно предоставляло свои продукты и припасы. В селе Кожное находилось множество ремесленников. В свое время там поселился один грамотный торговец, который быстро наладил производство одежды, обуви, и различных изделий из кожи и меха. Такой спрос на шкуру породил все больший интерес к охоте в этих местах, а также к разведению живности и скотоводству. Мясо и продукция Кожного также были ходовыми товарами между тремя деревнями. Кстати говоря, третья из которых, Каменка, славилась своими приисками и шахтами. Такая деревня, подле горной местности, пришлась по вкусу многим любителям тяжелого труда, кузнецам и рудокопам. Стоит отметить, что это поселение было больше похоже на рабочий городок, где безустанно кипела работа. Туда отправлялись многие мужчины из Кожного и Камышово, постигая искусствоковки и горного дела. Народ там собирался специфический, весь славянский мир был глубоко верующим, однако, там силой отца Сварога настолько восхищались, что считалось оскорблением не использовать те дары, которые он послал на землю своим детям. От Каменки на прилавки постоянно поступали исправные инструменты, украшения и садовый инвентарь. Не стоит списывать со счетов аккуратные и нежные женские ручки, которые безустанно трудились над вышивкой, гравировкой ювелирных изделий и украшений. Каждая из деревень была достаточ-

но независимой, разводя свои зерновые культуры и скот, однако, по общему соглашению сторон, решили устроить нейтральный рынок «для своих», где для каждого жителя любого из трех поселений предоставлялись скидки, причем достаточно щедрые. С подобным предложением, однажды, выступил именно торговец из Кожного, организовав целый рынок на одинаковом отдалении от деревень. Незавидный был у него рабочий день, сначала он проверял личное хозяйство, затем устраивал небольшой тур между поселениями, через центральный рынок. В будущем он лелеял мечту о том, чтобы основать тут настоящий город со своими районами и улицами, но эти мысли больше подходили под разряд мечтаний, поскольку взаимоотношения между поселениями были не такими уж и красочными. Маршрут лежал из Камышово в Кожное, затем через центральный рынок, в Каменки, нередко оставаясь там на ночь. Жители горной деревеньки всегда радовались гостям и щедро угощали яствами, не говоря уже о выпивке. После подобных гулянок достаточно проблематично было добираться по темноте домой через леса, отчего тут маршрут и заканчивался, а сутра, запуская обратный. Возвращаясь домой, торговец нередко притормаживал на ранке, который носил название Угловой. Вопреки общему мнению, наличие чего-либо в середине, не может мешать тому, чтобы называться Угловым. Это была одна из любимых шуток в трио деревень, которые постоянно выдавали фразочки, как «во главе угла у нас...» и тому подобные. Стоит

ли говорить о том, что происшествия с лесной тварью под боком сильно пошатнули равновесие и привели к конфликтам? Угловой рынок постепенно пустел, торговцы отказывались ехать туда под различными предлогами, каждый из которых граничил с расправой. Камышово и Кожное еще как-то умудрялись обменяться между собой товарами, учитывая небольшое расстояние между ними, а вот в Каменке дела обстояли куда хуже. Угроза голода еще не пришла, но уже уверенно маячила на горизонте.

— Ведомор, может, стоит начать именно с торговца? Он явно тут все слухи собирает.

— Наверняка ты права, но уже достаточно поздно, нам стоило бы подумать о ночлеге. А если бестия и вправду мучает народ, то об отдыхе под деревом не может быть и речи.

— Ведомор наступил в топкую грязь, после чего принюхался. — Почти пришли.

На удивление, в деревне практически не пахло болотом и тиной, которыми давно поросли близлежащие окрестности. Было непонятно, толи их перебивает запах сушеной и вяленой рыбы, толи вонь от самой деревни, где от влажности сложно было поддерживать постоянную чистоту. Подошвы путников прилипали к топким дорогам и обрастали грязью, выдавая отчетливый и причмокивающий звук. Но это касалось только тропинок и не популярных улочек между домами, когда с основными дорогами ситуация обстояла иначе. Чтобы телеги не застревали в топкой грязи, по дорогам ре-

гулярно посыпалась каменная крошка, придающая упругости болоту. А для всех гостей деревни вокруг висело множество украшений в виде ленточек и плетеных изделий из соломы. Никуда не делись и классические славянские орнаменты, и вязь из символов солнцеворота. Плетеные заборы вдоль дворов были достаточно ухоженными, да и сами дворы в проблемных местах были уложены досками, дабы гости не утонули в трясине. Но, что было интересным, так это местное личное хозяйство. На каждом участке находились различных размеров огороды, которые, преимущественно, выращивали целебные травы. Некоторые требовали к себе особенного ухода, вырастая лишь в воде, как рис. Другим же требовался доступ к воде редко, но они не терпели прямого солнечного света. Одним словом, в таких количества целебные травы можно было выращивать только тут, поскольку климат позволял. Вокруг кипела спокойная жизнь, вперемишку с рабочими буднями. Нельзя было сказать, что местный народ был здесь несчастлив, но улыбок было куда меньше, чем обычно. Стоит ли их в этом упрекать, когда порождение Нави атакует местных и забирает из них самых любимых и счастливых. По наводке Далебора, или, наверное, даже по его заказу, стоило расспросить местных жителей о том, что в целом происходит в деревне. К примеру, какие были праздники и события, может, местные водяного не уважили, или же забыли дату какую-то важную, отчего и бесится нечисть местная. Время подобралось достаточно удачное,

уже вечерело, и рабочий люд двигался с работы к своим родным домам.

— Ведомор, — Гала слегка дернула воина за рукав, — ты чувствуешь? Тут что-то не так.

Юноша слегка присел и сгорбился, словно принюхиваясь и выслеживая добычу. Острый голубой глаз бегал по сторонам в поисках того, что могло причудиться его спутнице. Дома, крыши, улицы, люди, огороды, телеги, ни к чему не цеплялся его, пусть и молодой, но уже вполне опытный взгляд охотника. Причем охотника не на оленей и фазанов, а на нежить, бестий и еще какую другую тварь родом из Нави.

— Пока не чувствую, тебе не показалось?

— Да не про то я, — Гала приблизилась к уху, — детей нет совсем вокруг.

Молодой воин выпрямился и уже спокойным взором пробежался по округе. И вправду, среди множества уставших и утомленных людей не было никого, кто еще не носил бы имени.

— Может, по домам прячут? Бестия все-таки.

— Да вот их словно и в домах то нет...

Наиболее приличная тропинка, осыпанная каменной крошкой, привела путников в Кабацкий дом. Так называемая таверна наполнилась людьми и издали виднелась огнями в вечерних сумерках. У входа стояли вполне себе уже пьяные селяне, которые не могли никак определиться, обняться им, или же решать спор на кулаках. Немного поодаль стоя-

ли уставшие кобылы, что медленно пережевывали отсыревшую солому. Лошади выглядели ухоженно и богато, словно бы были проездом. Разумеется, не сказать, что деревня была бедной, но и богатой ее назвать язык не повернется. В самой же таверне было достаточно шумно, люди гудели, кто-то в углу уже смеялся в пьяном угаре. У самой стенки, возле печей с открытым огнем, стояла парочка усталых мужчин. Тот, что высокий, с золотыми кудрями, держал в руках маленькую дудочку, жалейку, и, по всей видимости, отдыхал после долгого соло. Рядом с ним сидел на старом табурете мужчина постарше с темными волосами. Медленно и вальяжно он водил руками по струнам гуслей, каждым касанием вызывая мягкие и нежные звуки. Это было больше похоже на импровизацию, чем на какую-то конкретную композицию, больше для фоновой музыки, чем для исполнения. За большой деревянной стойкой, которая была увешана разного рода копченостями и травами, стоял приветливый коренастый мужчина с густой бородой, которая топорщилась в разные стороны. Хозяин заведения широким жестом разливал из бочонка бражку по нескольким кружкам, пытаясь параллельно выслушивать очередные заказы на еду и выпивку. В какой-то момент он развернулся к двери позади себя, положил пустой бочонок на бок, и ногой катнул в сторону прохода.

— Дуня! Лови! — Послышался басистый рык из-под кудрявой бороды.

— Агась! — ответил не менее звонкий сочный голос,

только уже женский.

— Тащи уху! Сегодня хорошо идет!

— Сколько?

— Всю!

Таверна возликовала. Невооруженным взглядом можно было увидеть, как толпа постепенно собирается в подобие очереди. Хаос становился все более структурированным и упорядоченным. На словах о домашней ухе и сам Ведомор ненароком сглотнул слюну, что Гала не могла оставить без внимания. Ей, в какой-то момент, даже стало казаться, что ее спутник способен только одной ухой и питаться. А сама она никак не могла определиться с рецептом, который бы показался ей наиболее оптимальным. Уже давно путники не видели такое большое количество пьяных людей, тем более, которые доходят до неконтролируемых состояний. Со времен увеличения торговых поставок с западных земель, «культура питания» стала проникать и в самые дремучие села, все больше склоняя брата нашего на увеличенное употребление браги и хмельной закваски. Привозили и красные виноградные напитки, и крепкие древесные, различные цветные и сладкие. Каждая гадость по-своему влияла на славян, побуждая их не только к чрезмерной откровенности, но и порой глупости, и даже агрессии. Запрещать подобные дегустации было глупо, разве брат наш потерпит ограничения своей души широкой? Потому и придуманы были подобные заведения, где хоть до утра сиди, пей, сколько влезет. Зато всегда знают, что ты жив

и здоров, да и искать легко, все тут, под боком. А когда рать душевная из груди рвется, когда пульс струится по глазам, окрашивая их в красный, тогда-то и бойцы местные на подмогу выходят. Не гоже попусту руками махать, и особо буйных сразу к делу пристраивают. Парочка таких уже стояли на улице под чутким руководством местного кузнеца, вооруженного увесистым молотом. Зачем махать кулаками друг на друга, когда можно помочь дров наколоть и воды принести? Вот и прививали хулиганам воспитание, приучая к порядку. Все лучше, чем зазря вышвыривать из заведения, оставляя в сердцах обиды.

Хозяин с супругой не успевали вдвоем обслуживать гостей, потому и выдача еды происходила уже не к столам, а у самой стойки с травами и кухонной утварью. Некогда бегать к каждому и носить. Молодые же музыканты смекнули, что работникам «ножа и поварешки» нужна передышка, и завели задорную музыку. Подскочил к ним третий, сухой и коротко стриженный парнишка, и начал выдавать ритм на своем барабане, обтянутом кожей. Ровный ритм с каждым стуком преображался и усложнялся, жалейка взывала, созывая всех отдыхающих к печи на пляску. Гусли же ласкали слух более мягкими нотами, успокаивая и дополняя мелодию. Тут-то и пошла пляска, задорная и честная. Каждый выпрыгивал и скакал, сколько сил было, выплескивая всю свою алкогольную спесь. Место у стойки постепенно освободилось, позволяя выдохнуть и перевести дух.

— Здрав будь, отец. Осталась ли уха твоя хваленая? — С широкой улыбкой подошел Ведомор, едва удерживая слюни во рту.

— Ну-с, если уж такой вежливый, то явно найдем! — Теплый и мягкий бас, обрамленный доброй улыбкой, согрел уставших путников.

— Давай две порции, — юноша обернулся на спутницу, — будешь ведь, Гала?

Девчушка лишь кивнула, слегка заглядывая за прилавок. Кто бы знал, что у самой стойки будет такой сочный аромат, что захочется перепрыгнуть и есть прямо из общей тары.

— Эх, судя по виду, давно в дороге, ты подругу-то кормишь вообще? А то и меня сейчас слопает! — Густой смех зашевелил усы хозяина таверны.

Послышался глухой удар деревянной ложкой по спине.

— Дуня, ты чего!

— А нечего тут гостей смущать! Если есть откажется, я тебя сама на суп пущу!

Ну, вот женщина, так женщина. Плотная, как пружина, светлая коса до пояса, голубые насыщенные глаза, словно озера. Крепкая, не одну кастрюлю уже перетаскавшая. Хозяйка кухни широко улыбнулась, неряшливо утирая со лба пот. Впрочем, одну капельку она упустила, которая прямоком по щеке, через шею убежала к груди под вздыбленный фартук. Ведомор сглотнул в ожидании супа.

— Дуная я, просто Дуня! И уха моя, кушайте на здоровье!

— Отозвалась супруга, — откуда вы такие? Впервые вижу тут вас.

— И вправду, — вторил ей супруг, — откуда вы?

— Из Дубравниц мы, давно дома не были. — Ведомор едва не забывал доставать изо рта ложку.

— Не знаю такой, — призадумался хозяин, разглядывая потолок. — А где такая находится?

— Ну, — юноша через каждое слово хлебал суп, — сейчас-то она иначе называется. Сейчас там пепелище, и называется оно Морница.

Хозяева в момент погрузнели лицами, легка опутив глаза. Сложно было понять их настрой, в их взглядах читались и опаска, и беспокойство. Некоторое время все молчали, но это ни капли не испортило аппетит путников. Кто знает, может именно этот факт их непринужденной трапезы и растопил сердца хозяев кабацкого двора.

— А звать-то вас как, малыши? — Темно-карие глаза из-под густых бровей заглядывали в голубые и ледяные.

— Ведомор я, сын Ратимира. — молодой воин немного выпрямился, произнося отцовское имя. — А это Гала, просто Гала.

Хозяева переглянулись друг с другом, определенно узнавая названные имена, и сурово глянули на гостей.

— Имя мне Белослав, сын Богдана. Лично не знал твоего отца, но слава всегда обгоняла этого человека. Всегда был настолько же безрассуден, насколько и отважен. Для сына

Ратимира всегда будет место под моей крышей. — Белослав протянул большую мохнатую руку для рукопожатия.

Ведомор ответил, и тут же, под напором, слегка повалился на стойку, ощущая крепкие отеческие объятия хозяина таверны. Легкие похлопывания по спине приободрили его, выражая почтение и радушие. Гала, со слегка диким взглядом, смотрела на такие мероприятия, ей всегда казались немного напыщенными и неуместными проявления чувств едва знакомых людей друг к другу. Можно предположить, что она и вовсе не понимала в чем сила уважения к семье, где достойный отец не может оставить после себя расхлябанное потомство. А о том, как выглядит дружеская любовь, едва ли не кровная и братская, даже и говорить не стоит. Хоть она уже и привыкла к этому, но все равно испытывала чувство, наподобие легкой ревности, которое не могла объяснить даже себе, потому и молчала.

— Значит так, решено! — По-хозяйски распалилась Дуная. — Сегодня вы двое ночуете у нас, и отговорки не принимаются!

— Мы все отработаем! — Вскочила с высокого стула Гала, слегка утопая под стойкой.

— А это ты правильно сказала, на кухне поможешь?

— Бегу!

Девушки в момент упорхнули на кухню, где закипела работа.

— А ты мне знаешь, что скажи, Ведомор, кто тебе эта ба-

рышня?

— Так это, подруга же, как сестра, — замялся юноша.

— Ага, сестра, — слегка прищурился Белослав, — стало быть, кровати вам две нужны, а не одна?

— Одна. — Ведомор смотрел в пустую тарелку потерянным взором. — Одной хватит...

Время глубоко за полночь. Девушки буквально вывалились из кухни в почти опустевшую таверну. Последние бедняги никак не хотели завершать вечер и ожидали чего-то невероятного, когда их деликатно попросили уйти. Собственно, и доблестная охрана уже давно отправилась по домам, поскольку основной отдых уже подошел к концу, и в их присутствии не было надобности. Белослав с Ведомором не торопясь расставляли стулья и двигали столы на исконные места. По местам также раскладывались пустые бочки, к завтрашнему дню готовились новые, из погребка. Когда уборка была окончена, все четверо уселись посреди комнаты за круглый стол и тяжело вздохнули.

— И как же вы так управляетесь вдвоем? — Сетовала Га-ла, разминая ножку, которую предусмотрительно достала из своих легких сапожек.

— Как тебе сказать, мы, вроде как, привыкшие. Да и дочь иногда помогает. — Бросила в пустоту Дуня.

— Это да, а где она кстати? — Беспокоился отец.

— Так уже спит, поди, давно, что ей ночами-то лазать по улице. Ну, либо тут уже была бы.

— Эх, ничего с ней поделать не могу, не хочет заниматься делом семейным и все тут.

— А-ну, помолчи-ка, — Дуная резко ухватила за руку супруга, — не нужны гостям твои проблемы.

— Да уж давай сам решу тогда! Да и скажут они мне, если не интересно, верно же? — Белослав уставился глазами, которые, очевидно, искали поддержки. А у супруги аж глаза заблестели. Сильно любила она, когда добрый и покладистый супруг ей «сдачи» дает.

— Ну что вы, матушка Дуная, нам только в радость пообщаться, может, и помочь чем сможем? — Уж больно открыто общалась Гала. Похоже, что безостановочный совместный труд успел их немного сблизить в духовном плане.

Ведомор не реагировал, его мысли были все в предстоящей ночи, где он попросил лишь одну кровать на ночлег, за что себя и корил. Дров, что ли, пойти наколоть перед сном...

— Вот она, моя рябиновка, — радовался в голос Белослав, — кого угодно разговорит! А сидела-то скромная какая.

— И ничего не скромная, воспитана так просто. — Слегка смутилась Гала, или сделала вид, что смутилась. А то ведь рябиновка и вправду границы стирает.

— Умница, девочка, так и надо. Считаю, что мы уже свои люди, вон сколько на кухне мне помогла, одна бы ни в жизнь не справилась.

В такой теплой манере разговор продолжался еще достаточно долго, чтобы присутствующих начало клонить в сон

прямо за столом. Комнату путникам подготовили маленькую, но уютную, уединенную, в дальнем крыле таверны, чтобы шум никакой не доставал. Здесь, в целом, редко кто останавливался, в основном выпить заходили, да отобедать, так что ночевали они совершенно одни. Хозяева же жили и спали в здании позади таверны, в самой избе, родовом гнезде, так сказать. Удобно было держать и работу, и дом поблизости, никуда бегать не надо, и всегда при деле, когда вдруг заняться нечем. Хотя, это больше сказка какая-то, чтобы человеку работающему и заняться-то нечем. Гала уже давно спала в постели, не дождавшись своего спутника. Белослав, не лишенный сарказма и понимания, отозвался на просьбу юноши о том, что нужно перед сном «срочно поколоть дрова», и предоставил Ведомору несколько поленьев. Вернулся он в комнату, лишь когда кровь перестала бурлить по чем зря, а руки не начали обессиленно волочиться следом. На постели лежала нежная девушка, которая ласковыми нотами посапывала в подушку. И так хотелось ее приласкать, и так страшно было будить, что до самого утра так и просидел Ведомор прямо у постели. Не нашел он в себе силы потревожить чуткий сон Галы, не нашел силы и голову свою привести в порядок. Только под утро молодой славянин смог уснуть на стуле рядом с теплой постелью, сам того не осознавая. К слову говоря, поутру Белослав сильно удивился, что теперь дров ему хватит чуть ли не на весь сезон, не говоря о том, что в одну поленницу они уже не влезают, а возможно, что и в две

не влезут.

Глава 3

Эх, хороши и прекрасны просторы земли славянской. Бурные реки так холодны, что сводят зубы даже в жаркую пору. Яркие однотонные поля, словно пуховые одеда, укутывают землю, убаюкивая. Голубое бескрайнее небо озаряется светом Ярила, переливаясь всеми оттенками синего. Густые леса, что тенью укрывают путников, одновременно легкие и освежающие, но при том же таинственные и глубокие. Мало кто отважится в запретные места лезть, не зная броду. Но если ты знаток, то почему бы и не попробовать? Плох тот торговец, что маршрутов своих не знает, что тайные ящики и местечки не имеет, и что договариваться боится, как с князьями, так и с бандитами. А последних и вовсе развелось целое соленое море, как только нажива оказалась легка, и начала звенеть в карманах. Но Терон был куда хитрее и умнее многих, во всяком случае, сам он об этом не знал, что тоже являлось плюсом, в своем роде. Ранним утром свернул он к лесу, которого побаивались все местные, будучи уверены, что там чудища какие-то водятся. Описывали их как маленьких и пронырливых существ, что лошадей кусают, да провизию воруют. А увидеть их и вовсе возможным не представляется, только мелкую тень отдаленно. Тут-то торговец и понял, что за твари это, ну, или подумал, что понял. Похожи на

домовых, только заблудших, что в лесу теперь ютятся. Оди-
чали совсем, вот и кидаются на всех подряд. А путник-то
пугливый как делает? Едет тихонько по дорожке, да прислу-
шивается ко всему подряд. А нечисть и сама иной раз шум
не переносит, а на бравую песню и вовсе не суется, кто ж
его знает, кто завывает в лесу? Лишний раз и не связываться
лучше. Ну, так и поступили. Всю дорогу Терон с Мирой гор-
ланили песни старых военных походов, дак так удачно, что
сам Буян подпевал им сердитым мычанием, толи от того, что
нравилась песня, толи колокольчик ему на шее надоел. Но
все нужно было для дела. Ох, и обиделась потом Мирка, ко-
гда узнала, почему так распевались на весь лес. Сильно хо-
телось ей взглянуть на лесных созданий, но, уже ничего не
попишешь. В конце концов, и в лес-то сунулись по нужде, а
то уж больно подозрительная парочка увязалась за телегой.
Проверять их намерения совершенно не хотелось.

Лесная дорожка привела торговца к бескрайним золотым
полям, на которых что только не росло. Полевые цветы и яго-
ды, лекарственные растения и травы, разнообразные кустар-
ники, свойственные для южного климата. Причудливые де-
ревья, на которых росли яркие и красивые плоды, похожие
на солнышко. Мира все разглядывала с широко раскрытыми
глазами, то и дело уговаривая Терона остановиться и нарвать
каждый экземпляр, чтобы потом показать братику, так она
Ведомора называла. Такая забота приятна была торговцу, но
доводы его были непреклонны. Пропадут цветы-то, завянут,

а плоды испортятся в дороге. Потому и принято было решение вручить девчужке альбом для рисования. Понятное дело, что бумага ценилась очень высоко, без налаженного производства, но что не сделаешь ради ребенка. Так и получилось, что каждую диковинку Мира срывала, зарисовывала и пробовала на вкус. А как же еще составить описание местной флоры и фауны, если не дегустировать все подряд? От подозрительных объектов, понятное дело, отказывались, не хватало еще отравиться в дороге. К слову, довольно быстро девочка обучилась грамоте, чистота и правописание хромали, но разобрать письма уже можно. Было дело, даже задавала вопросы про рукопись⁸, но Терон и сам был не особенно сведущий в этом, потому и отделался обещанием обязательно приобрести профильную литературу при случае. Но это был один лишь из многих поводов, чтобы найти ближайший город, а в нем постоянный двор. В конце концов, ехали в эти края искать блудного Ведомора с Галой. Да и сама дорога оказалось долгой, что требовался отдых на нормальной постели. Девочка, хоть и была крепкой, но росла довольно быстро. Ботиночки стали натирать пальцы, а платье с каждой неделей становилось все короче, гранича с вульгарным. Да и гигиена крайне важна, не все же молодой де-

⁸ Рукопись – древнее утраченное славянское писание, используемое в заговорах и магических ритуалах. Каждая руна олицетворяла комплекс описаний и слов, сплетающихся в сильные рунические знаки. Но это современное название, еще раньше они назывались «черты» и «резы», что имели куда большую суть и силу.

вушке в речке купаться, да оглядываться по сторонам, лишь бы кто не увидел. Потому и лежал путь в город Застрелец. Говорят, он так назван потому, что оттуда начался, еще издревле, путь стрельцов, что орудовали луками. Какой-то грамотный воевода подсмотрел у жителей степных устройство орудия и принес на землю славянскую. Довольно быстро взяли новинку на вооружение, а на земле Русов возвели первую стрелецкую рать. Сейчас от этой рати только название осталось, как здания, так и города. Да и мужчин поубавилось, но история есть история. Подобные рассказы привлекают все больше путешественников: писателей и историков с разных стран, паломников и философов, торговцев и жуликов. Открылись торговые лавки вблизи южных границ, выставляя на продажу диковинные специи, фрукты и фигурки для детей. Да что уж там, многие и другие товары были, в том числе, и в сфере ткачества. Ох, и хороши были в этом мастерицы южные, правда обижались, когда у них постоянно просили славянскую вязь вышивать, мол, смешение стилей. А нашим-то что? Плюнь, да разотри, надо и все, а ты уже делай, как получится. Но самым примечательным в этом городе был закрытый рынок, который возвели из чистого камня. Словно палаты княжеские он был сделан из гладкого специального кирпича. Высокие каменные колонны были опорами для безразмерной крыши, накрывающей торговые ряды. Стен совершенно не было, вместо них красовались изящно выполненные арки с причудливыми орнаментами в изголовье. Не за-

были и про освещение, в крышах, над тропинками между лавками, были специальные отверстия, пропускающие солнечный свет. Разумеется, что их было мало, так что рынок пребывал в легкой тени. А стоило только зайти солнцу, как каждый лавочник зажигал факелы, что придавало торговой площади все больше южного колорита. По местным законам, подобные веяния культуры разрешены были только в приграничных городах, как Застрелец. Идея была в том, чтобы все новое и неизвестное сначала проверять на таких городах, чтобы можно было принять решение, полезное новшество или нет. А то, как говорится, пусти козла в огород...

Как истинный и грамотный торговец, Терон прекрасно знал, что в центре города сложно найти идеальное сочетание цены и качества, не говоря уже о том, чтобы не остаться без последних штанов. Кроме того, торговать в рыбных местах еще и наверняка никто не позволит, такие прибыльные точки уже давно являются предметом споров и конфликтов. Ехать надо на окраину города, в приличные районы, и народ слушать, кто и что говорит. Чистые и ухоженные проселочные дороги, по краям которых росли плетеные заборы. Старинное убранство домов навевало воспоминания о родных северных землях. Видимо, славянская культура в этом городе намного сильнее именно на окраинах, стало быть, и наряд подбирать именно тут. Жизнь текла спокойно и размеренно, в этой части города чувствовалось какое-то внутреннее спокойствие знакомых мест. Хотя, нельзя сказать, что южная

внешность Терона, верхом на торговой повозке, не осталась незамеченной. Славяне носили бороду, но ни у кого не было такой черной, густой и кучерявой. Решили пойти на хитрость, к любой лавке сначала подходит Мира, озаряя своей улыбкой и отвлекая внимание харизмой, а следом и сам торговец, на тепленькое, так сказать, чтобы уже на расслабленный манер заключать сделку. Так и вышло в первом же постоялом дворе.

— Здоровья тебе, дяденька! А есть комнатка свободная?

— Мира задействовала все свое обаяние, выразительно хлопая глазками.

— Ну, допустим, есть, — с язвительной ухмылкой отозвался смотритель постоялого двора, — а чем расплачиваться планируешь?

Смуглый, худощавый, пусть и с небольшим животиком. Его маленькие глазенки и жидкая бороденка не придавали шарма. Весь его образ кричал о том, что доверять ему не стоит. Терон таких чуял за версту, потому и не стал дожидаться завершения переговоров, а включился в диалог.

— Дочь, ну ты где? Я же сказал на улице ждать. — Красноречивый взгляд торговца впился в лицо мерзавца. — Добрый день.

— Ну, так что? – Потерял интерес смотритель двора и отвел взгляд, — чем расплачиваться планируем?

— Да ничем, — кратко бросил торговец, и взял Миру за руку, — пойдем, дорогая моя.

Где-то позади послышался гортанный звук и смачный плевок на деревянный пол, на который никто не стал обобщиваться. Что поделать, на моментальный успех никто и не рассчитывал. Тяжело, все-таки, общаться с южанами, что обосновались тут, совсем приличий не знают.

На улице путников заворожила необычайно милая картина. Маленькая рыжая девочка, буквально с огненными волосами, держала в руках небольшую миску с разными овощами прямо перед Буяном. Большой и грозный вол почувствовал ребенка и сверлил ее взглядом в ответ, не выражая ни малейшей капли агрессии. Девчушка же поставила на пол миску и подошла впритык к животному, протягивая ему спелую морковку. Стоит ли уточнять, что голова Буяна была почти в полтора раза больше всей девочки целиком? Мохнатый джентльмен едва заметно поклонился головой и робко, одними губами, как лошадка, забрал морковку.

— Знаешь, Буян, не будь ты такой мохнатый, — язвил торговец, — то мы точно увидели бы, как покраснела твоя морда.

Животное не отрывало благодарного взгляда от девочки, за один присест проглотив морковку.

— Бу-ян, — повторила девочка, глядя на вола. — Бу-ян? — повторила вновь, глядя уже на Терона.

— Верно, дорогая, это Буян, и ты ему очень понравилась. — Торговец присел на корточки, разглядывая чудное платье девчушки, которая и без того казалась ему знакомой. —

Только не нужно больше его кормить, он уже кушал.

— Хорошо. — Девушка неловко оттряхнула сарафан и подняла свою миску с овощами.

— А кто тебе сшил такое платье? — Едва успел остановить девочку Терон.

— Мама.

— А ты отведешь нас к ней? — Все это время Мира не могла вымолвить ни слова от удивительно милой ситуации.

— Да. Пойдем. — Все так же непринужденно.

— И ты нас даже не боишься? Мы же чужие люди.

— Не боюсь.

— И почему же?

— Меня Буян защитит.

— Это он так сказал? — Во все лицо улыбнулся торговец.

— Да. — Лицо Терона тут же изменилось на задумчивое, а взгляд покосился на животное.

Идти далеко не пришлось, почти на самой окраине города, которая больше напоминала северные славянские деревни, стояли уже давно привычные избы. Плетеные изгороди, протоптанные тропинки, плотные соломенные крыши, выстеленные изнутри досками. Аккуратно ухоженное крылечко выдавало заботливую и трудолюбивую хозяйку. А пряжа, что лежала на лавочке возле входа, выдавала еще и мастерицу, какой нет равных, учитывая, какое платье она сшила дочери. Окна открыты нараспашку, внутри, волнами от ветра, струятся занавески. На улице, как паруса, в такт занавескам,

колышутся простынки и детские вещи на веревке. Маленький рыжик уверенно подошла к двери, поставила глиняную чашу с овощами на лавочку, после чего со всей силой потянула на себя дверь. С тяжелым скрипом преграда поддалась, тогда девчушка ловко подставила ножкой заранее заготовленную щепу, чтобы дверь не закрылась. С чувством выполненного долга, малышка гордо взяла миску и занесла домой, после чего выглянула из-за порога.

— Вы будете заходить? — Запыхавшимся голосом приглашала рыжик, — а то второй раз не получится.

— Ну, если можно, конечно, — Терон неуверенно проследовал внутрь. За ним прошла Мира с абсолютно красным лицом, выражая бесконечное восхищение.

Внутри Терон ощутил себя, как дома, все было таким новым, но при том же знакомым, словно он вновь оказался на пороге дома старого друга. Мебель словно стояла ровно также, дубовый стол, засушенные травы на стенах, окошко со скрипящими ставнями и уютными занавесками. Не хватало только щита Ратимира, который успокаивающе, и одновременно угрожающе, висел на стене. К своему удивлению, он увидел на том же месте старый пояс друга с кожаными ножнами для охотничьего ножа. Не было сомнений у торговца, что дух доблестного воеводы жив и оберегает эту семью и по сей день. В этот момент девчушка принесла на деревянной доске несколько пирожков и поставила на стол.

— Топить печь мне нельзя, так что кушайте пирожки. —

Заявила Огонек, будучи уже вполне себе радушной хозяйкой. А Мира, казалось, сейчас и вовсе потеряет сознание от переполняющих ее эмоций, однако, это ощущение быстро улетучилось.

— Это что еще за пёсий сын тут свою телегу на всю дорогу поставил, если ты что-то с моей дочерью сделал...

Неописуемый жар ворвался в избу и без того в летнюю пору. Печь задымила сама собой, занавески от горячего воздуха вздыбились до потолка. В доме резко запахло свежей выпечкой. Мира тихонько спряталась за торговца, удерживая его за руку.

— Дядюшка, мне страшно...

— Мне тоже, — подшучивал Терон, — главное, без резких движений.

Едва не вынося дверь с петель, в избу ворвалось само пламя. Огнегряная женщина буквально пылала яростью и желанием вершить правосудие. Ее ярко-карие глаза олицетворяли неистовство самого пламени Сварога, в коем куется сама жизнь. Огонек же, по привычке, закрыла глаза ладошками, поскольку жар больно щипал лицо.

— Здравствуй, Агния. — Терон неловко раскинул руки в стороны.

Пламя стало утихать, температура падать, а общее напряжение и вовсе испаряться.

— Теронушка! — Как ни в чем не бывало, обрадовалась мать семейства, — сколько времени-то прошло, а ты даже не

постарел.

Теплое семейное объятие растопило сердца всех присутствующих, и воцарилось спокойствие. Несколько мгновений старые друзья рассматривали друг друга, пересчитывая новые морщинки и изменения во внешности, чтобы подколоть, но не нашли ничего достойного внимания. К слову говоря, только она могла позволить себе называть торговца «Теро-нушкой».

— Если ты к Ратимиру, то его нет, — Агния погрузилась и отвела взгляд, — совсем нет.

— Я знаю, дорогая моя, знаю. Ведомор лично упокоил его тело.

На секунду в глазах безутешной матери промелькнула надежда.

— Ты видел Ведомора? Он жив? Где он?

— Спокойно, я все расскажу. Он жив, но где сейчас именно — не знаю. Мы сами в поисках.

— Я знала, что он не мог просто так погибнуть! — Агния активно ходила по комнате и выкладывала на стол все яства, которые только были. — Ты должен все мне рассказать, садись.

Мира в какой-то момент тоже прониклась моментом, когда заметила беспокойство и заинтересованность. Где-то внутри у нее даже разыгралась ревность, хотя, на тот момент, она еще не знала, как это правильно называется.

— А ты что, знаешь братика Ведомора? — Звучало нелов-

ко и вполне конкретно.

Медленный поворот головы, оценивающий взгляд с головы до ног, легкий холодок по спине Мирочки. Все это перекрыла язвительная улыбка Агнии, в глазах которой ярким пламенем загорелся интерес. Она медленно приблизилась вплотную к девушке и спокойно положила на плечо руку. Невесомая, жуткая, словно заглядывала прямо под кожу.

— А почему это ты, дорогая моя, моего сына называешь своим братиком? — Звучало от матери наигранно угрожающе.

В один момент в глазах бедного ребенка пробежало осознание, кто она, с кем говорит, в каком положении оказалась сама. Промелькнула мысль о том, что не стоило так нагло задавать вопрос, но что уже поделать, назад дороги нет.

— Агния! Осади, девочка и так напугана, она со мной. — Едва сдерживался от смеха торговец, который уже давно привычный к выходкам старой подруги.

— Да я-то уже поняла, что она твоя, — загадочно звучало из уст, — не знала я, что ты так можешь. Очаровательная у тебя спутница.

— Ты о чем это сейчас?

— А ты не понял? Ну, скоро сам поймешь. — Агния нежно улыбнулась и погладила испуганную девушку по головке, — она теперь мне также дорога, как и ты, раз она с тобой. Ну так рассказывай, что привело?

— Мы ведь случайно тебя нашли, Огонек привела, точнее

ее сарафан, видишь ли, тут ситуация... — Терон не знал, с какого краю зайти.

— Вижу. Поняла. Сошью. Но не за так. — Улыбалась мать, рассматривая фронт работ, уже в голове прикидывая узоры, и ленточки для украшения. — Завтра за травами вместе пойдем.

Все молчаливо согласились и проследовали к столу. Сытный теплый ужин в спокойной семейной обстановке давно стал для путников роскошью, от чего они и смаковали его в каждом мгновении. Что может быть лучше, чем кушать в кругу родных и друзей? Единение пищи с родственными душами очень важная часть, как дружбы, так и любви человеческой. За этой прекрасной трапезой Агния услышала о жизни ее сына, почему он пропал и когда явился обратно. О героизме Ратимира она слышала уже не раз, но в данный момент уже из первых уст. Смешанные чувства матери не могли никак определиться, гордиться и радоваться за доблесть своих мужчин, или же скорбеть и печалиться об их утрате и тяжелом пути. В том и загвоздка, что любая из этих эмоций и правдива и важна, таковы матери, такова их любовь. Страшно представить, как часто они идут на сделку с совестью и своей любовью, когда отпускают близких войну или же в бой. Когда в тот же момент хочется закрыть их в подвале и спрятать от всех горестей мира, лишь бы остались живы и целы. Можно ли гордиться военными заслугами мужа, когда ты каждую секунду боялась о его жизни и здоровье?

Разве так важна тебе его победа, когда он не вернулся? Разве такое доступно для понимания тому, кто не ощущал подобный доблестный страх? Ни меньшая отвага нужна тому, кто дома ждет тебя.

— Стало быть, мой сын теперь с миссией? Да еще и от самой богини? — Агния неприкрыто нервничала о том, какая судьба уготована Ведомору. Не говоря уже о том, что она не может ни на что влиять, так и сердце не на месте. — Как это вообще произошло? Почему он?

— Дорогая моя, я не знаю подробностей. После великого Пробуждения твой сын ушел в странствия, и я никак не могу его нагнать. Меня терзает беспокойство...

— Не его ли это рук дело?

— Верно. — Терон сложил руки в замок и нервно перебирал пальцами.

— Судя по тому, что я видела, это вполне возможно, — продолжала рассуждать мать, — не факт, что случилось это осознанно, но, уж как есть.

Агния встала с места и забрала с деревянной полки пустую крынку.

— Мирочка, а ты можешь набрать мне воды с колодца? Он прямо на улице, Огонек тебе покажет. — Женщина покосилась на торговца. — Только помой хорошенько.

Девчушки синхронно кивнули и выскользнули во двор.

— В том месте до сих пор бродят мертвые, которые не упокоились в огне. — Нервничал Терон, опустив громкость

на пол тона. — Это души славянские страдают, нужно прекратить их мучения.

— Нельзя, чтобы кто-то узнал, что это дело рук Ведомора, никто и разбираться не станет... — Агния импульсивно покусывала ногти и даже пальцы. — Все тела надо обрядом придать огню, иначе души не спасти.

— Ты даже не представляешь, какая в нем родилась сила, — слегка испуганно, и, одновременно, восторженно, рассказывал торговец, — он творит невероятные вещи, словно сам жрец, путешествует с фамильяром, и...

— Как ее еще раз? — Перебила Агния.

— Гала, ворона, милая девочка, кстати.

— Продолжай.

— После возвращения из Нави, что само по себе невероятно, его силы словно возросли.

— Ну, это не удивительно, кто у него покровитель, хотя, это не может не пугать. — Агния на минутку задумалась. — Так ты и сам не лучше, тоже ко мне фамильяра привел.

— Не понял, — Терон слегка отстранился на стуле, лицо его стало куда более серьезным.

— О том я и говорила тебе. Мира твоя, ни с Яви. Точнее, с Яви, но не совсем. Частичка тебя она в общем, — Агния слегка суежилась, — сама не сильно понимаю, как это правильно называть.

— Этого не может быть, ты мне глупости тут рассказываешь! — Несвойственно для себя злился торговец, вскакивая

со стула.

— Ну, ты только тут концерты мне не устраивай! — Поднялась температура.

Спустя пару секунд оба сели обратно за стол и успокоились. Некоторое время молчали, слушая, как на улице девочки играют с Буяном, совершенно забыв о просьбе.

— Она тебе потому и дорога, что по природе своей является и частью твоей души, и порождением Нави. Поскольку разделение души, это магия темная и серьезная, чаще всего — необратимая. — Агния пыталась подбирать слова, но, в основном, все тщетно. — Для носителя души это тоже несет большие последствия, даже если это ограничивается фамильяром. Такой кусочек может и не восстановиться, если, конечно, и вовсе утерян, а вот для спутника...

— Это опасно для Миры? — В голосе Терона слышалось беспокойство.

— Как для Миры, так и для этой Галы, — звучало неприкрытое раздражение, — я попробую объяснить. Призванное существо питается этим кусочком души, из которого было соткано. И оно будет всегда тянуться к своему источнику, кем бы он ни был, расстояние для него подобно попытке на физическом уровне и смерти на духовном. В какой-то момент может потребоваться подпитка, и к этому времени тебе лучше уже разобраться, как правильно это делать. Не думаю, что ты сможешь выдержать то, что будет происходить.

— Ты о чем это? — Беспокойство сменилось страхом. —

Что будет происходить?

— Угасание души, друг мой... — Внутренняя боль промелькнула в глазах Агнии, которая явно знала, о чем говорит, — это самая жестокая пытка, видеть, как мучается душа. Даже телесные увечья не так ужасны, как душевный вой растерзанного и измученного создания. Говорят, что боль и угасание души можно услышать сквозь миры, так что поверь, ты не хочешь этого видеть и чувствовать.

— О боги, что-же я наделал... — Терон ухватился за свою голову, сжимая в кулаке волосы. — Что-же я натворил...

— Ну, справедливости ради, не совсем ты. По своей природе, эта частичка души и сама должна желать отсоединения, чтобы оказать какое-то содействие. В общем, материя очень тонкая и сложная для понимания, но эта магия проявилась лишь потому, что ты нуждался в ней. А когда условия свершились, то тогда и нашла тебя твоя Мира.

Агния заботливо положила руку на плечо другу в попытке утешить. В каком-то смысле ее даже радовало, что в такой ситуации Терон беспокоится о девочке намного больше, чем о самом себе. Такова тесная связь хозяина и фамильяра. Торговец прекрасно понимал, что его в беде не бросят, но никак не мог выкинуть из головы возможные последствия.

— Мы обязательно разберемся. Ведь, на самом деле, в этом ничего страшного и нет. Она, пусть и часть тебя, но самостоятельная и независимая. Запомни, друг, она помощник, который никогда не предаст. — Поддерживала Агния.

— Верь мне. И кстати... ты знаешь, что она за зверек?

— Нет, я сегодня и понятия-то не имел, что она вообще фамильяр.

— Сказать?

— Нет, хочу сам догадаться.

— Ну как скажешь, но я думаю, что ты уже ее видел.

На пороге воцарился звонкий смех. Девчата пытались объяснить Буяну, что в дом он не пролезет, даже если сильно хочется. Агнии же было достаточно слегка рывкнуть на животное, чтобы он вспомнил, что на улице намного свежее и уютнее. На том и договорились. Огонек попросилась лечь вместе с Мирой, которая тут же получила двусмысленный взгляд от Агнии. А Терона решили уложить на печи, о чем он, собственно говоря, совершенно не переживал. Да и этот торгаш принес с собой из телеги какие-то перины и развалился, как князь какой-то. Еще парочка осуждающих взглядов, и все с удовольствием отошли ко сну. Только перед самым погружением, Терон осознал, что так и не уточнил у старой подруги, как они сами оказались в столь далеком от дома месте. Где пролегал их путь, и какие испытания выпали на их долю. Он обещал себе в полудреме, что обязательно спросит об этом ее сутра. Этот вопрос волновал его совершенно не меньше, чем благополучие Миры и ее безопасность.

Утро было солнечным, теплым и, по-домашнему, приятным. Агния еще до рассвета забрала девушек собирать це-

лебную траву, как и условились. На сонные вопросы «почему так рано?» отвечала, что есть особенная травка, которая рассвет любит и с росой собирается. Девчата даже ворчать не стали, а послушно побрели за матушкой в лес. Терона никто не собирался брать с собой, а только наказали сделать некоторые домашние дела. Ничего особенного, обычные житейские мелочи, дров нарубить, воды натаскать, угли вычистить, по возможности – купить смазку, чтобы дверь не скрипела, и Огонек могла легко ее открывать. Собственно говоря, за первые часы после рассвета дела уже спорились, так что до обеда, когда обещались вернуться девушки, еще достаточно было времени. Лучшим решением было пойти в город и проведать обстановку, купить масло, а также, может, прикупить что-то в дом, в том числе и продукты. Агния была хозяйственной женщиной, но еще не успела обзавестись огородом для домашних овощей и других растений, хотя, свои травы уже имелись. Да и не было у нее уверенности в том, что ей придется надолго задержаться у южной границы.

В городе было суетно, когда Терон вышел из лавки кузнеца с небольшой баночкой смазки для дверных петель. На небольшой площади возле рынка толпились люди, гудели разговоры, временами слышались крики. Торговец увидел двух здоровых мужчин в звериных шкурах, которые тащили под руки уже знакомого тощего хозяина постоянного двора в сторону площади. Вспомнились ему описания от Ратимира и Ведомора о том, с какими созданиями они сражались, что

Зароды способны перевоплощаться в надетые на себя шкуры, обретая дикий облик. Хотя, они и без того были тренированными бойцами, которые смертельно опасны даже по одиночке. Именно эти твари и сожгли родную деревню его друзей и убили его друга. Зов чести долго сражался с внутренними страхами, но взял вверх.

— Отпустите, прошу! — Завывал хозяин постоянного двора. — Да. Я знаю ее, но не знаю, где она, я правда все сказал!

Его тащили жестко и грязно, штаны и колени уже были стерты, а по виску из головы текла струйка багряной крови.

Ответа не последовало, если не считать увесистого удара по ребрам, от чего у бедняги пропало любое желание вопить. Сам торговец старался держаться теневой стороны от толпы, чтобы не попасть под горячую руку, пока пытался разобраться в происходящем. На площади стояла целая топа рыжих женщин, все разных сословий, богатств и статусов. Какие-то были не местные, какие-то прямиком с севера. Они были буквально в заложниках у этих хищников, которыми командовал странный человек в черном плаще с золотой вышивкой. Торговля вокруг остановилась, толпа смотрела за происходящим, как этих женщин сравнивают с каким-то рисунком, в этот момент приволокли хозяина двора и бросили под ноги черному плащу.

— Вы что, собаки, уже мужчин от женщин не отличаете? — Надменно и высокомерно говорил их командир. Судя по его виду, он совершенно не боялся этих тварей, что делало

его образ еще более пугающим.

— Он видел ее. — Послышался странный скрипучий голос воина в лисьей шкуре, больше напоминающий скрежет.

— Возможно. — Мужчина нагнулся к тощему и показал ему бумагу с каким-то нарисованным портретом. — Это ее ты видел?

— Да-да! — Не помня себя вопил заложник. — Только волосы ярче, и дочь с ней была маленькая, тоже ярко-рыжая!

— Где ты ее видел? — Голос звучал спокойно и ровно, командир свернул портрет и убрал за свой черный балахон.

— Я, я знаю, возле моего двора! И я могу показать, если... — тощий оглянулся по сторонам и слегка приблизился к командиру, — если мне будет награда.

Глаза его слегка сверкнули от алчности, а на лице проклюнулась едва различимая улыбка. Из-под капюшона виделось обезображенное когтями и огнем лицо. Командир взглянул на воинов, которые его притащили.

— Вы можете место показать, откуда привели его?

В ответ последовало молчаливое согласие. Черный балахон медленно развернулся к заложнику, улыбнулся, и присел на его уровень. Его встретил взгляд полный ужаса и сожалений. Рука медленно нырнула под плащ, резкий бросок, и в следующее мгновение длинный прямой нож обтирается о рукав. Брызнула кровь, у заложника обмякли сначала ноги, затем руки. Глаза его потускнели, и он рухнул замертво навзничь. Люди вокруг охнули и переполошились, каждый стал

проверять, что есть поблизости, чтобы отбиваться, но южные гости не были готовы бросаться в бой, потому и стояли, пытаясь побороть свои страхи. Хотя, может и не страх их сдерживал, а здравый смысл, ну что сделает неподготовленный торговец против настолько опасного противника, тем более, когда опытные солдаты порой бессильны. В этот момент Терон потерял бдительность и не заметил, как над ним выросла тень. Это был воин в лосиной шкуре, почти на полторы головы выше самого торговца. Взгляд был тупой и вопросительный, а в руках маячила бумага с изображением Агнии. В тех глазах словно не было жизни, не было смысла, не было самой искры. Терон едва не обмяк от ужаса и лишь смог помотать головой и выдавить из себя «не видел». Но массивную тварь это не устроило, перед самым носом чудище подняло торговцу бумагу с изображением, чтобы тот, мол, повнимательнее взглянул. И, видимо сами боги вмешались в этот день, поскольку послышался пронзительный свист, и лосиная шкура ушел на это звук. Вся группа из дюжины Зародов, во главе с черным балахоном, стали двигаться в сторону постоянного двора. Люди в ужасе разбрелись по домам, стараясь не привлекать к себе внимание, бедные женщины были отпущены на свободу после проверки. На площади остался только Терон, который никак не мог совладать с оцепенением страха, рассматривал труп хозяина постоянного двора, который лежал в луже своей же, уже запекшейся крови.

Момент слабости постепенно прошел, и торговец немед-

ленно двинулся в сторону дома Агнии, нужно было успеть, предупредить, сделать хоть что-то и немедленно бежать. Покинуть город, двигаться на север, но, самое главное, опередить преследователей, которые, по какой-то причине, ищут подругу. Никогда еще торговец не бегал так быстро, огородами, как молодой парень, перепрыгивая через заборы, в обход основных дорог. В висках отдавался пульс, сердце теряло ритм в неестественном биении, в этот раз страх играл на руку и не позволял остановиться, но и думать также не позволял. Лишь в последний момент у заветного дома само нутро подсказало притаиться за густым кустом красной смородины, который отлично скрывал пестрый наряд Терона. Лишь спустя какие-то мгновения черный балахон пришел во двор дома Агнии, а с ним и два Зарода. Судорожно торговец оценивал обстановку, пытаясь понять, в доме ли сейчас девушки. За двором стоял Буян с телегой, и подумалось вдруг Терону, как хорошо, что Агния настояла выгнать телегу на другую сторону дома, а то животное точно бы прирезали на месте. Пока мысли одна за другой посещали его голову, сзади послышался хруст веток, холодное железо коснулось шеи торговца.

— За кем следишь, тварь? — Молодой воинственный голос вопрошал на ухо. Сомнений не было, любое движение, и голова покатится по земле.

— Терон я, пришел Агнию предупредить, но не успел. — Стуча зубами, цедил торговец.

— Она в доме?

— Не уверен, скорее всего. Огонек тоже с ней должна быть.

В этот самый миг лезвие отлипло от шеи, и воин показал свое лицо.

— Только близкие знают, как они называют свою дочь. Я Белояр, сын Милослава, и мы поможем супруге Ратимира.

— Что я должен делать, Белояр? — Неведомая самому Терону смелость вдруг начала просыпаться в груди. Мысли о том, что вместе с ними он может потерять и Миру, наполнили его тело и разум решительностью.

— Успокой себя, Рыкари⁹ чувствуют и страх, и жажду убийства, ты нас выдашь. — Молодой воин бегал взглядом по двору, пытаясь придумать план освобождения. Кроме того, было непонятно, внутри ли вообще находится семья.

— Подожди-ка, — включились наблюдательность и смелка торговца, — они точно внутри.

— Как ты понял?

— Занавесок нет, когда они уходили в лес за травами, они висели. Значит их сняли, когда уже вернулись, может постирать или еще что.

— Возможно, но слишком не точно. — Было видно, как Белояр закусывает от нервов губы. Противник и так не из

⁹ Рыкари – это древние славянские берсерки, рожденные от славян и лесных богов. Это легендарное неистовое воинство, которое принесло клятву защищать своих предков славян.

простых, а тут еще и права на ошибку нет. Он был уверен, что отец прикроет, но даже он не всемогущ.

В этот момент, ко всеобщему удивлению, по двору шла молодая козочка, на которую совершенно никто не обращал внимания. Она за веревочку в зубах несла в сторону кустов какой-то небольшой шарик. Только перед самым кустом, Терон узнал, что это его бомба, которую он сделал после боя в мире Нави. Тогда ему подумалось, что пусть еще одна лежит, раз такая полезная. Козочка занесла в кусты бомбу и положила к ногам удивленным мужчинам. В глазах у животного было что-то знакомое торговцу, но он совершенно не придавал этому значения, увлеченный опасной ситуацией.

— Это еще что? — Удивился юный воин.

— Бомба. Громкий хлопок, сильный взрыв, и языки пламени на всех, кого заденет.

— Твоя коза? — Уточнил Белояр.

— Нет. Не думаю. Не знаю.

— Забери с собой, она сейчас всех нас спасла.

План родился сам собой, и передумать его времени не было, лисья шкура вместе с балахоном обыскивали дом, круша все на своем пути, а лосиная шкура стоял на входе. Как вдруг на крыше избы показались рыжие волосы, Агния и Огонек успели спрятаться, но это ненадолго.

— Значит так, бросаешь бомбу в них и резко бежишь к своей телеге, мы их удерживаем, сколько получится, а вы на всей скорости несетесь на север, вот тебе карта, — Белояр

протянул свернутый кусок желтой бумаги, — там помогут. Мы с отцом прикроем.

— Понял тебя. Надеюсь, что получится.

— Должно получиться, мы обещали Ратимиру перед смертью, что присмотрим за ними.

— Бее-ее, — ответила козочка и убежала в сторону телеги. Уже около самого Буяна, она громко взвыла, привлекая внимание Ангии, которая кивнула в ответ, понимая, что требуется сделать, дождавшись сигнала.

Терон поджег фитиль и закинул бомбу прямо на порог дома. Оглушительный взрыв сотряс избу, от испуга мать рухнула с крыши в руках с ребенком, резко подскочила, и со всех ног побежала к телеге. От неожиданности и боли, Зароды взвыли угрожающим воплем. На бегу, где-то за спиной, торговец услышал раскаты молнии. Белояр с неистовым криком бросился на лисью шкуру, пытаясь опередить ее превращение. В небе взвыла стрела и угодила лисе прямо в плечо, хотя метилась в голову. Следом еще одна, со свистом, легла туда же, едва не рассекая предыдущую. Звериный воин потерял равновесие и не среагировал на выпад Белояра. Трескучий меч пронзил животное, рассекая его от ключицы до пупка. В воздухе запахло паленым мехом и жареным мясом. Славянский воин не успел вытащить меч из тела, как из избы вылетел необыкновенных размеров лось и сбил его с ног. Юноша отлетел на несколько шагов, чудом удержав в руках меч. Дыхание его сбилось, а легкие словно дефор-

мировались, он не чувствовал биения своего сердца, а лишь рефлекторно сжимал в руках оружие. Следом за лосем, как тень, вылетел воин в черном балахоне, наперевес с двумя одноручными мечами в каждой руке, и устремился к Белояру. Одна за другой засвистели стрелы с неистовой скоростью. Первые две легли рядом, балахон замедлился, чтобы отбить мечами две другие. Юноша не верил своим глазам, как может кто-то так резво не просто отбивать стрелы, а еще и такие стремительные, как у Милослава. Нужно было срочно взять себя в руки, от мощного удара тело совершенно не хотело слушаться. Тренировки с открытием чертога не прошли даром, и молодой воин пропустил через свое тело разряд силы Перуна. Мощная и жгучая молния словно перезапустила все тело, откатывая его к «базовым настройкам», пульс пришел в норму, легкие расширились, и Белояра окутало внутреннее спокойствие воина. Он вновь поднял перед собой меч в свирепом желании крушить и кромсать. Глаза его побелели от гнева, наполняясь божественными искрами. В это время Терон подскочил к Буяну и вложил ему в рот какие-то, шариком скатанные, травы, и схватился за поводья. Агния же с дочкой уже запрыгнули в телегу.

— Быстрее, уходим! — Взыл торговец. — Мира с вами?

— Да, здесь! Трогай! — Агния в спешке закидывала козочку в телегу.

— Зачем нам коза? — Перекрикивал звуки боя торговец.

— Ты что, дурной?

На этот вопрос ответа не последовало, и телега на всей скорости помчалась в сторону дороги. Неуловимый воин в черном балахоне развернулся и метнул нож вдогонку телеги. Лезвие аккуратно пришлось в бедро Буяна, который взвыл от боли и понесся пуще прежнего. Кроме того, травы, которые дал ему торговец, тонизировали, и позволяли дольше не чувствовать усталости. Пешком догнать их теперь не представлялось возможным, во всяком случае, пока животное не выдохнется от полученных ран и усталости. Но бой продолжался, последнее, что увидели Терон и Агния, это как с ужасающим раскатом грома Белояр скакал вокруг разъяренного лося, сам чуть ли не падая на колени. Милослав бежал к нему с яростными криками, выпуская перед собой бесконечный град стрел с такой скоростью, что тетива высекала кровь из его пальцев, едва не отстегивая фаланги вместе с ногтями. Телега скрылась за поворотом, подпрыгивая и раскачиваясь на ухабах и виражах.

— Терон, стой! Надо помочь им, они погибнут! — Не своим голосом, буквально, выла Агния, высекая из глаз искры.

— Нельзя, они обещали Ратимиру перед смертью, что присмотрят за вами!

— Ах ты трус, пёсий сын! Немедленно останови!

— Очнись женщина, мы им не поможем уже! — Торговец набрался храбрости. — Мой долг увезти вас, как и договорились! На сына так орать будешь, а не на меня!

Агния отступила. Она понимала, что друг прав, но никак

не могла поставить свою жизнь превыше чужой. Еще долго ее будет терзать этот день, этот побег и выбор без выбора. Она не знала, сможет ли жить с тем, что снова может потерять родных людей, сможет ли снова видеть гибель братьев славян. Каждая не упокоенная душа ложится тяжким бременем на собрата, ведь незримой нитью связаны все дети Рода. Оттого и скорбит так народ после войны, оттого так тяжела смерть любого славянина, ведь семья не только есть кровь, семья, это нечто большее, дарованное предками и богами. Только широкая славянская душа способна понять боль от потери брата по оружию и испытать ее также яростно и всепоглощающе, как потерю собственного дитя или родителя. Ведь славянский народ не раз переживал такую потерю, и еще не раз переживет.

Долго еще дыбилась пыль на северной дороге, полной поворотов и ухабов. Телега неслась, не разбирая просторов. Уже не смотрели по сторонам на цветы и фрукты. Уже не рисовала Мира поля и леса. Уже не смеялась так перепуганная до смерти Огонек. Время изменилось, и никогда уже не станет прежним.

Глава 4

Рыкари – это истинное славянское воинство. Беспощадное, дикое и свирепое. Каждый, кто вставал на пути у этих берсерков, либо падал замертво наиболее ужасающим способом, либо же обращался в бегство с надеждой на выживание. Они потомки великих воинов, богатырей, и лесных духов, что даровали им эту силу. Нет числа годам, сколько длится этот союз человека и природы, доступный лишь мудрым славянам, что умеют говорить на родном языке земли и творений Рода. Сказал бы кто-то раньше, что эти истинные воины способны обратить свои мечи и клыки против предков, никто бы и не поверил. А наоборот, даже отлупил бы этого безумца, который позволил себе порочить честь такого священного союза. Тех Рыкарей, кто перешли черту и нарушили союз, пусть и не по своей воле, стали называть Зародами, от того, что род свой покинули, себя предали и предков своих. И нет больше им возврата и прощения, словно бы ни Навь, ни Правь не видели их больше и не принимали. Но есть всего один способ истребить народ, всего одна возможность уничтожить такую мощную силу, и колдун знал об этом способе. По повериям, из древних писаний, что позабыты были

даже предками далеких циклов жизни 10^{10} , существует некий сосуд, возможно, создание, или даже древо, что воплощает собой этот заключенный союз. Сами души заключены в том сосуде, что и по сей день держат слово и оберегают славянский дом. Но что-то пошло не так, когда произошла течь в том сосуде, и брат пошел на брата, снова льется славянская кровь от рук братьев славян. Гневаются родные и старые боги, гневаются предки, земля плачет, вспаханная мечами и топорами. В отрывках пророчеств, которые удалось найти Ведомору, сказано, что это и есть начало будущего конца. Грядет долгий сон, который грозит истреблением всему, что в этом мире важно, вынуждая запустить новый жизненный цикл. Но он запустится только с нуля, с гибели всего от войны, от голода, от распрей, а самое главное, от алчности человеческой. Подробности еще неизвестны, найдены далеко не все ледяные таблички, которые матушка Морена завещала своим внукам. Но даже сейчас страшно представить то, что случится в скором времени.

В глубоком лесу, среди причудливых растений, где вся земля покрыта мягким мхом, стоит красивый кристалл, размером со взрослого человека, а то и более. Этот кристалл гладкими краями разного размера освещал деревья вокруг себя мягким зеленым свечением. Он выглядит таким хрупким и легким, что вот-вот рассыпится от непогоды или слу-

¹⁰ Цикл жизни – это формат летоисчисления по славянскому календарю длиной в 144 лета. Современный аналог называет «век», и он длится 100 лет.

чайно упавшей на него веточки. В этом сосуде заключена сила Рода, безразмерной любви и взаимовыручки. Дух древнего славянского воина обнимает белую олениху за шею. Так духи предков скрепили союз на нематериальном уровне, и породили Рыкарей. Только у лесного духа текут кроваво-красные слезы, а у славянина в спине торчит терновая ветвь. Под кристаллом, чистым и невинным, как новорожденное дитя, смердящая гнойная лужа сочится из-под мягкого зеленого свечения. Эти грязь и мрак отравили союз, осквернили священное место и внесли смуту в размеренную жизнь. Неведомо никому это место, что сокрыто от взора обычных людей, оно одновременно и здесь, и нигде. Оно одновременно сейчас, и вчера, и завтра. Оно именно здесь, вот прямо тут, подать рукой, но не сейчас. Не в этот час и не в эту минуту. Чтобы найти его, нужно идти туда, незнамо куда, и искать то, незнамо что. Ровно как поступали великие герои и богатыри древности, что давно перевелись и почили за ненадобностью в спокойные и мирные времена. Но тяжелые времена вскоре воспитают новых богатырей, еще пуще прежних, и тогда весь мир вздрогнет, когда славяне вновь поднимут меч. Предок всегда говорил, что нет хуже греха и проступка чем паразитизм. Заставлять кого-то делать за тебя твою работу непростительно. Это касается и того, кто заставляет, и того, кто выполняет. Помочь можно лишь тогда, когда брату твоему не хватило лишь толики сил для достижения цели, но никак иначе. Может, потому и не ведут

постоянно людей боги? Может, поэтому и не выводят своих внуков из кризиса, что сами свои же учения и нарушат? Может, еще не все возможное сделал народ, чтобы отпрянуть ото сна? И об этом знал колдун, и играл на этом, манипулировал, проклинал и обманывал. Потому и течет гниль из союза с природой, потому и брат брату волк.

Почерневшие руки старика творили ворожбу. Колдовство высшей темной магии, что противна самому естеству этого мира. Куриная лапа упала в котел, за ней яйца тухлые и ветка терновая. Грязная рука мешает варево кипящее и не морщится. Упала в котел лента свадебная, упала босоножка женская, с девичей ножки снятая. Упала вина заморского чарка и стрела небрежно выпущенная. Так творилось колдовство, что положило начало самонадеянности и гордыни человеческой. Закрылся котел с варевом крышкой чугунной, покипел, подбрасывая эту же крышку. И лишь рука колдуна пролезла в котел, так и вытащила венок девичий из цветов полевых. Красивый и нежно пахнувший венок, что девчата по реке пускают, чтобы суженного найти. То гадание такое старое, а любое гадание – это сделка. А за каждую сделку всегда платить приходится, не сегодня, так завтра.

Старик Радимор бродил по исхоженным тропкам в лесу в ожидании знака от природы. Лес молчал, кусты не шептались, насекомые не зудели над ухом. Лишь светляк от колдовства освещал перед собой путь в крошечной тьме. Несколько раз пытался колдун приручить воинство нежити, что при-

звал Ведомор, которого он считал своим учеником. И изгнать ее не удавалось, разве только огню придать Сварожьюму. Нужно было найти мальчика и исправить все, что случилось, иначе ни ему жизни не будет, ни самому колдуну. Не в состоянии Радимор был сам пробраться к селу спаленному, никак без помощи. Потому и уронил в тот день колдун венки в реку бурную, и унесло его в дали неизведанные. Ворожба найдет мальчика, ворожба везде найдет. Опустел и лес, где Ведомор с помощью книги разговаривал с духом леса. Деревья не жаловали старика, так что каждое слово из них приходилось вытягивать и угрозами, и силой. Но не значит это, что он ослабел. С каждым днем, с каждым новым словом и знанием, Радимор обретал силу, которую, впоследствии, вплетал в свои темные заговоры. Каждая буквица и каждая руна этого мира, подаренного богами, несла не только образ физический и духовный, но и магический, что и использовали колдуны и волхвы земли славянской. Сочетания таких знаков могли многое: беседовать с явлениями природы, с животными и растениями, уговаривать их на помощь, или же принуждать к ней. Словом добрым можно было попросить небо о дожде в сухую пору, а яростным и праведным гневом, заплетенным в заговор, вызвать молнию, врагов разящую. Но старый колдун ушел еще дальше, он пользовался словами и наречиями самих предков, тайные знания богов оказались ему подвластны. Настолько был хитер старик, что вынуждал играть по своим правилам, постепенно

постигая черты и резы¹¹. От чего и сила его могла влиять не только на пространство, но и на время, калеча тела и души. Это сделка с совершенно новой и темной материей, что постепенно разрасталась по миру. Но сделка есть сделка, и за нее всегда приходится платить, не сегодня, так завтра. А результатом ее и стал тот самый девичий венок, что родился из тьмы и падали. Что был вытащен рукой нечестивой из мерзкого котла бурлящего. Тот самый, что по тоненькой и бурной речушке подплывал к селу Камышово.

Ведомор проснулся в комнате совершенно один, развалившись в постели, как того во сне пожелал. Будь Гала рядом, он точно бы ее придавил. Хотя, девушка не любитель давать себя в обиду, так что точно бы отпихнула буйного парня на свое место. На улице пели птицы, ярко светило солнце. Радовались селяне прекрасной погоде, которую на болотах в Камышово редко можно встретить. Местные явно считали это хорошим знаком, потому и детей даже выпустили погулять и поиграть с друзьями. Веселый смех детворы доносился со двора. Но молодой воин никак не хотел отпускать подушку из рук, что так уютно лежала под его головой. Лишь бодрый и звонкий голос Белослава смог пробудить юношу.

— Ну что, проснулся? — Резво распахнулась дверь. —

¹¹ Черты и резы – еще более древние, первородные, рунические письмена, заключающие в себе силу. Прообразом их стали скандинавские руны, которыми усиляли и доспехи, и оружие, придавая им магические свойства.

Уж полдень скоро, а ты в постели еще. Подруга-то твоя уже встала давно, — подначивал хозяин таверны.

— Да-да, уже встаю. — Ведомор нехотя сел на край кровати, ощущая странную и необъяснимую усталость. Словно он вчера провел решающий в своей жизни бой, не на жизнь, а на смерть.

— Скажи-ка мне, а давно вы в пути?

— Ну, без нормального ночлега почти пол лета.

— Ха! — Констатировал Белослав. — Конечно, столько усталости накопилось, вот и встать не можешь. Расслабился организм-то, вот и пытается восполнить запасы.

— И сколько же мне, по-твоему, дрыхнуть надо, чтобы вернулась бодрость?

— Ну, дней так семь-восемь, не меньше.

— Да ну, быть того не может, куда столько-то?

— А ты с усталостью и телом-то не шути, — Белослав уселся рядом на кровать и рукой помешал встать Ведомору, усаживая его рядом. — Видишь ли, какая штука. Тело наше только на этот земной срок рассчитано, ровно на столько, сколько тебе надо, чтобы цели земные выполнить. Когда ты трудишься сверх нормы, то оно устает, а откуда же ему, нетренированному, ресурсы брать? Так вот из души твоей бессмертной. А ей ресурсы уж точно беречь надо, она еще в вечности существовать как-то должна.

— Ну не знаю даже, звучит как-то расплывчато, неестественно.

— Хорошо, — трактирщик снова рукой помешал Ведомору встать, — что ты знаешь о втором дыхании? Когда сил нет, работаешь на износ, а потом по волшебству — оп! — Белослав резко хлопнул в ладоши. — И ты снова на коне и сражаешься, как прежде.

— Так разве не тренировками достигается этот результат? На одной вере в себя далеко не уедешь ведь.

— Вот в этом-то и вся загвоздка, парень. — Трактирщик попытался опять остановить Ведомора, но тот и не попытался вставать. Белослав сделал вид, что просто положил на плечо руку. — Твои тренировки и физические силы, это твой конь, на котором ты скачешь по жизни. А вот пришпорит его, чтобы он гнал галопом по этой жизни, именно вера. Мне лично так жить проще, и смысл в этом я для себя вижу.

Ведомор многозначительно молчал, переваривая услышанное. С одной стороны, вроде, он дело говорит, а с другой, будто-то бы и не вяжется вовсе. Но одно он уяснил точно, что Белослав явно пытался его подбодрить, или же утешить, а это, как минимум, говорит об отношении к нему, что не может не радовать. Все-таки, авторитет отца Ратимира был непоколебим среди не только обычных селян, а тем более среди его старых знакомых и друзей. Раньше юноша даже и представить себе не мог, насколько знаменит его отец своими подвигами и свершениями. В детстве так и во все имя отца открывало ему все двери и решало множество конфликтов. Не потому, что могло, а потому, что было до-

стойно. С другой же стороны, это имя накладывало и обязательства, чтобы вести себя достойно и не посрамить родовое имя. Принципиальность и обязательность предков воспитали в Ведоморе ответственность за слова и поступки, которая не раз уже откликалась неприятностями и приключениями среднего качества.

По своему обыкновению, молодой воин хотел помочь по хозяйству именно тем, где мог бы пригодиться. Выяснилось, что дров хватит еще надолго, что удивило всех присутствующих. Матушка Дуня загадочно и косо поглядывала на юношу, теряясь в догадках. Тренированное тело воина подсказывало ей одно, а проступающий на щеках румянец – совсем другое. Но уточнять особенности ночной работы никто не стал, не время этому было и не место. Как оказалось, готовился большой праздник, хозяева таверны совсем забыли предупредить, что сегодня в Камышово свадьба. И, как положено, будет много гостей. Столы решили все вынести и накрыть на улице, с самого утра юные девочки и девушки украшали столбы, окна и столы лентами и белыми скатертями. Поляна перед таверной быстро обросла предметами мебели и различной утвари. На главной дороге уже стоял готовый свадебный поезд¹² из нечетного количества телег и всадников. Маршрут готовился через центральные улицы,

¹² Свадебный поезд – древняя свадебная славянская традиция со множеством суеверных правил. Представляет собой вереницу телег с гостями и молодоженами.

затем вокруг всего Камышово. Нередко такой кортеж проезжал через духовные места старых капищ, чтобы духи не были в обиде за то, что забирают у них юную деву, ну или за то, что их не пригласили. По старому поверию, блуждающие духи и призраки считают своим все, над чем не проведен ритуал. Ну и от чего бы им отказываться от молодой красавицы, которую еще муж не успел взять под свою опеку? Потому-то и в новой дом жену всегда через порог заносили. Так мужчина показывал домовому и чуру, что под порогом сидит, что теперь это ее дом, ее защита, и он сам, как муж, несет за нее ответственность. А то не ведающий дух под порогом мог и за ногу ухватить красавицу, защищая дом и насылая беду. В то время, параллельно, бабулечки ведающие окуривали поляну для гулянок, а также и баню саму, поскольку места эти сильные и светлые. Тот, кто зла желает молодым, или свадьбу стремится расстроить, мог оставить вещичку закладную, под стол спрятать, или в стог сена кинуть. И тогда нечистые и темные духи могли наслать болезни и горечь на семейную пару, а при особом усердии, и оставить без потомства. Потому и нужны были эти ведающие бабки, что чуют эти злые силы и вовремя прогоняют еще до того, как молодые приедут на гуляния. Подготовка шла полным ходом не только площадки для гуляний, но и самих гостей. Ведь каждый хочет быть красивым и нарядным на свадьбе. Многие гости и родственники приехали из соседних сел и остановились в местных домах. Однако, сам Белослав, по совету супруги, отка-

зался размещать людей в своей таверне под разумным предложением. Всем-то он сообщил, что там со вчерашней попойки грязно и требуется ремонт, но истинная причина была куда прозаичнее. Ведомо всем, что от вина заморского и бражки человек дуреет, от чего, чаще всего, потом и раскаивается. Стало быть, запасы еды и алкоголя были под угрозой. Кроме того, уж больно не хотел радушный хозяин прогонять или же теснить уже названных гостей. Пока свадебка готовилась, Ведомор вызвался помочь с делами бытовыми. Гала уже давно в поте лица помогала на кухне, хотя и не особо это умела в силу своей неопытности в этом деле. А откуда бы ей уметь, если никто не учил? Строго говоря, много и не требовалось, в основном помыть, подать, принести. Воин же занимался со скотиной, которую следовало накормить и вычесать. Поменять миски с едой, выпустить на выгул до основного гуляния, чтобы под ногами не болтались. Да и местные домовые, пусть и настороженно, но присматривали за славянином, оказывая ему своеобразную благодарность. Ведомор привык уже, что духам от него скрыться сложнее, чем от других людей. Видимо, на это влияет не только наличие при себе морозной книги, с которой он, кстати говоря, не расставался практически. Но еще и покровительство самой матушки Морены пробуждало силы ведические и потусторонние. Чертог медведя же давно не отвечал на призывы, хотя и не было в нем острой необходимости. Беспокоило только юношу, что он уже давно не мог разобраться со своим местом души. Его внутренняя

крепость не откликнулась, хотя он постоянно чувствовал изменения. Понять бы, как именно туда можно попасть, при помощи медитаций, или же просто усилием воли. А может он внутри и сам боялся попасть туда и увидеть пересохшую реку. Если это так, то он сам себе выстроил стену, не позволяющую заглянуть внутрь себя. Ему казалось моментами, что эта река очень важная часть его самого, и он постепенно ее лишается, но, по какой причине, совершенно не понимал. Да и отсутствие Галы сказывалось, пробуждая неведомое и неприятное чувство внутренней пустоты. С ней было куда веселее, теплее и комфортнее. Но работа спорилась, и физическая усталость постепенно прогоняла эти мысли. Все-таки, ухаживать за скотиной дело трудоемкое и непростое. Пришло время отдохнуть и привести себя в порядок, ведь отказаться от присутствия на свадьбе не получилось. Временами, Ведомор забывал даже о цели своего нахождения в этой деревне, но все складывалось куда лучше и без его усилий. Бес-тия, которая терзает деревни и тракт, охотилась именно на молодые пары и счастливых юношей в первые дни свадьбы. Так что подобное действо могло помочь изучить свою цель и вовремя среагировать, чтобы не допустить лишних смертей. Разумеется, все смерти были лишними, но тут уже ничего не попишешь. В какой-то момент даже мысль промелькнула, а не слишком ли удачно все складывается? На этой ноте юноша воткнул вилы в стог сена и вышел из хлева.

Баня была занята, на входе дежурила женщина крепкого

телосложения, которая еще издавека показала Ведомору, кто есть кто. Девушки явно не обрадовались бы внезапной компании, хотя, кто его знает, парень-то видный. Выбор пал на реку, все лучше, чем ходить и пахнуть рабочим потом. Спустившись к реке, молодой славянин обнаружил небольшой деревянный пирс, истоптанный сырыми босыми ногами. Все следы вели в воду, видимо, в этом месте селяне и совершают забавные прыжки с разбега в воду. Была вероятность, что кто-то сторонний может появиться, а мыться в одежде совершенно не хотелось, так что предстояла прогулка с разведкой берега. Весь спуск к воде был заросшим травой и камышом, как полагается из названия деревни. Речка была не быстрой, но вполне холодной, вдали плескалась рыба. Тропинка вела вдоль берега, между водой и небольшой лесопосадкой, которая очень удачно ограничивает видимость для купающихся. Наконец, нашлось узкое местечко для комфортного входа в воду. По бокам, с самого дна, прорастала зелень, а дно было укрыто мхом и тиной. Решение пришло совершенно гениальное, получше разбежаться и нырнуть поперек реки. Голова влево, вправо, прислушался. Вокруг тишина под аккомпанемент птиц. Одним легким движением Ведомор сбросил с себя портки и исподнее и сделал два уверенных шага назад. С плавной раскачкой, юноша разбежался, в чем мать родила, и сиганул в воду, выставив перед собой руки. Речная проточная вода бодрила и освежала, даруя легкость и трезвость ума. На несколько секунд Ведомор даже замер под во-

дой, удерживая себя руками, чтобы река далеко не унесла, наслаждаясь прохладой и свежестью. Молодой воин вынырнул и почувствовал на голове тяжесть, словно зацепил с собой куст или кусок тины. Это был венок, который, по счастливой случайности, оказался прямым на голове. Подобные венки девушки отправляют по реке в качестве гадания перед свадьбой или на девичнике. Считается, что именно Предками избранный суженный найдет этот венок, и будет любить, и оберегать. С новым головным убором молодой воин поплыл к берегу, обнаружив, что река, все-таки, отнесла его намного дальше от вещей. Выходя из воды, он услышал отчетливый топот в свою сторону. Кто-то бежал.

— Эй, кто здесь? — Прозвучал звонкий девичий голос. В нем слышались некоторая надежда и предвкушение.

— А-ну, стой! — Ведомор стоял перед девушкой, рефлексивно закрывая достоинство венком, который, очевидно, не сильно справлялся со своей задачей.

— Ой, мамочки! — Юная славянка сначала покраснела и закрыло лицо руками, а спустя пару мгновений и вообще развернулась спиной. — Ты, что-же, не знаешь, как венок работает?

Ведомор, конечно, тут-же опомнился, но что уже было терять?

— А ты не могла бы мне вещи подать? Они там, где-то около тебя.

— Да-да, конечно! — Девушка замялась на мгновение, ей

хотелось убедиться, все еще ли венок находится на «законном» месте. — Сейчас подам!

В кустах по самую шею, Ведомор все еще чувствовал свежесть и нетипичное единение с природой. Но заметить его было легко хотя бы потому, что лицо было красным, словно свеклой натерли. Когда конфуз был исчерпан, и исподнее вернулись на свое место, можно было уже и поговорить.

— Знаешь, — прозвучало от кокетки, — вот к моей подруге суженый тоже пришел с ее венком. На голове. Так та чуть от смущения не убежала. Представляю, как бы она отреагировала на подобное появление, — на всю реку прозвучал звонкий девичий смех. Да такой заразительный, что сам Ведомор еле сдерживался.

— Ну, знаешь, в следующий раз делай венок сплошным, чтобы был, как шапка, — подтрунивал юноша сам над собой.

— Зачем это? — Удивилась девушка, тут же поменявшись в лице, — я рассчитываю, что следующий раз не понадобится.

Ведомор почувствовал на себе игривый оценивающий взгляд. Насколько он мог судить, а судить он мог не особенно-то объективно, он был на высоте. Даже без шапки.

— Ну, здравствуй, суженный! — Все также забавлялась девица. — Я Людмила, Белослава дочь. Это же ты у нас остановился?

Только после того, как она представилась, молодой славянин стал замечать ее сходство с родителями. Стройная, но

не лишенная форм, фигура. Светлые волнистые волосы, голубые знойные глаза, а также улыбка, что вызывает одновременно и смущение, и желание. Весь ее образ пел о том, что она неписанная красавица.

— Ведомор меня звать, сын Ратимира. — Юноша собрал остатки гордости в кулак. — Вот, это твое, — с неловкой улыбкой протянул венок.

— Э-э нет. Сам теперь носи, он твой. — Снова оценивающий взгляд сверху вниз и опять в глаза.

Спустя еще несколько колкостей разговор совсем перетек в другое русло. Люда совершенно не хотела ущемлять мужское достоинство, но в паре шуток не могла себе отказать. Стоит отметить, что сам Ведомор с гордостью пережил это испытание. Дорога до дома была звонкой и непринужденной. Обсуждали местные окрестности, будущих жениха с невестой, к чьей свадьбе готовились. Девушка с охотой рассказывала, как ее отец отзывался о гостях, лесть из ее уст лилась словно рекой. Юноша же с охотой развесил уши и наслаждался вниманием. Инцидент на речке вселил в него уверенность в своих силах, мол, самое неловкое уже произошло, так что опасаться дальше уже нечего. Пользуясь случаем, он сообщил о том, что рассказывали о самой Людмиле.

— Ох, папенька вечно жалуется на меня! — Девушка пнула придорожный камушек, а тот, в припрыжку, укатился в кусты. — Ты не подумай, я на самом деле хозяйственная. Мне под постоянным присмотром тяжело.

Люда немного замялась, ее маленькие бархатные кулачки сжимали подол сарафана. Когда она опомнилась, то тут туже разгладила его ладошками и продолжила.

— Что не гость в таверне, то сразу жених! А оно мне надо? Пьянчужки эти, что по вечерам лакают, так и пытаются отцу наврать, что, мол, работающие и достойные. — Люда активно махала руками, жестикулировала, и рассказывала на повышенных тонах. Такой эмоциональный окрас очень подкупал и вынуждал слушать, глотая каждый звук. — А он же у меня простой, услышал и сразу поверил. А я, может, музыкой заниматься хочу!

Девчушка сделала несколько шагов с опережением, развернулась, подпоясала руки в боки, выражая свою принципиальную позицию. А горделиво задранный подбородок был тому подтверждением. Такой игривый вид пробуждал все больший интерес к новой знакомой.

— И на чем же ты хочешь играть? — Ведомор, не торопясь, догнал спутницу.

— А на гусях.

— Так они же большие, удержишь ли?

— Ну я же сидя, глупенький. — Умилялась Люда.

У самой таверны уже собирались гости. Постепенно музыканты разминали пальцы, обнимая и лаская свои музыкальные инструменты. На привычный славянский манер, музыку играли не тела, а сами души. Матушка Дуная встретила парочку без тени сомнения.

— О, нашла-таки?

— Да, привела вот. — Люда явно собой гордилась.

Ведомор же осматривал женщин слегка недоумевая.

— Так ты специально за мной шла?

— Именно, — двусмысленно улыбнулась девушка, — только не знала я, что встретишь ты меня при полном параде. — И упорхнула под удивленные и смущенные взгляды. Юноша тоже не стал задерживаться, а быстро ретировался, чтобы избежать ненужных вопросов. Оказалось, что ему уже Белослав подготовил белую косоворотку старшего сына, вышитую славянскими орнаментами, и предназначенную для различных торжеств. Она была слегка велика Ведомору, все-таки, сын был немного крупнее его, но смотрелась достойно. Так сказать, есть к чему стремиться. Славянин аккуратно отвел Белослава в сторонку.

— А сын ваш не против будет, что я одежду его ношу?

Хозяин таверны на глазах погрузтел, но вскоре смиренно улыбнулся, и положил руку на плечо юноше.

— Сын погиб недавно, под порогом уже тело. Я расскажу при случае, если будет возможность. — Отец провел руками по плечам, словно стряхивает пыль, — он был бы рад присутствовать на свадьбе друга, пусть и в таком виде.

Дальнейшие подготовка и бытовые дела хорошо отвлекали Белослава от грустных мыслей. Может, потому и работали они с супругой так много, чтобы лишний раз не беречь душу. Нет большего горя для родителя, чем утрата своего

ребенка. Невозможно никому иному понять ту самую боль, что терзает днями и ночами. Безутешный отец объяснил, что прекрасно понимает, по чью душу Ведомор оказался в этих краях, и обещал помочь, чем только сможет. Оказалось, что достижения юноши, пусть и краем уха, но довольно быстро разлетаются по земле славянской. Лишь напоследок просил не обсуждать это с матерью, не стоит ей снова переживать этот ужас, пусть и просто в рассказе.

Гуляния шли полным ходом. Свадебный поезд вернулся без остановок и в полном составе, что считается хорошей приметой. А раз примета такая, то и нелишний повод радоваться появился. Музыка играла, барабаны стучали, мед тек рекой, и не только по усам. Молодые пары плясали до упаду, улыбаясь и испуская саркастичные шуточки друг-другу. Но было место и кокетству, Девушки демонстрировали свои широкие косы, украшенные лентами, а парни, то и дело, выпрыгивали в центре площадки, показывая свою удаль молодую. Только одна Люда стояла с особенной прической, ее две косы были закручены в спираль на макушке и аккуратно собраны. А на вопросы других девиц она гордо отвечала: «Вот вы ждете, пока вас выберут, а я вот сама выбираю!». Как бы это не звучало забавно, а в одном отказать девушке было нельзя, характер у нее точно имелся! А Ведомор все больше ловил себя на мысли, что ее темперамент напоминает ему материнский, что периодически вгоняло его в краску. Нет, не сказать, чтобы он был сильно стеснительный, просто у каж-

дого из нас есть слабые места, которые тяжело прятать. Тут уже Людочка решила брать все в свои руки, в напористости ей не откажешь.

— Ну, за молодых? — Улыбалась девушка, протягивая кружку с красной жидкостью. — Это вино называется, с запада привезли. Брага такая виноградная.

— Я не пробовал такое, да и в целом, хмельное не пробовал, — Ведомор замялся, ему, почему-то, казалось это постыдным, — так что мне не с чем сравнить.

— Это же чудесно! Но когда-то попробовать точно стоит.

Люда настояла, и под глухой стук кружек содержимое постепенно потекло по горлу. Горьковатый сладкий вкус забродившего винограда, словно сок, который оставили на окне в жаркую пору. Сам виноград юноша никогда не пробовал, это скорее южное угощение, но, чтобы еще из него специально брагу делали, это было чем-то новым вдвойне. На жаре, под открытым солнцем, вино заморское быстро дало в голову, а неподготовленный воин достаточно быстро захмелел, от чего и почувствовал расслабление и желание пуститься в пляс. Со времен ухода из дома, у Ведомора не было возможности полностью расслабиться и отдаться потоку жизни. Сначала деревня, затем отец, потом козни Радимора и осквернение капища. Невозможность найти мать и сестру. Долгие скитания по велению зова Морены, все это копилось в теле молодого славянина. Каждое событие было одно хуже другого, не давая расслабиться. Устал он оборачиваться назад, устал

оглядываться в поисках врага и слежки, утомился воин. А душа требовала праздника. Гала нашла своего хозяина, когда в нем была уже не одна чарка вина, застала она его смеющегося в полный голос и совершенно беззаботно танцующего. С одной стороны, она была удивлена, ведь таким счастливым и безрассудным она еще его не видела, но жило в ней что-то темное, может даже, что-то каверзное и женское, что не давало покоя: «А почему это ему весело, но не со мной?».

— Ведомор, а ты сколько выпил то? — Девушка буквально оторвала от него Людиной руки, со звуком, похожим, то-ли на фыркание, то-ли на цоканье.

— Оооо, вот ты где! — Проговорил хмельной славянин нараспев, — Гала, Галочка, Галчонок, посмотри, это Люда, мы друзья!

Девушки обменялись друг с другом «комплиментами». Хорошо, что Ведомор не стоял между ними, а то от возникшей искры он мог воспламениться. Партнерши одарили друг друга оценивающими взглядами, сначала снизу вверх, где немного расстроилась Гала, затем сверху вниз, где слегка приуныла уже Люда.

— Ведомор, может стоит повременить с выпивкой? Пойдем лучше к реке, освежимся. — Гала бережно взяла юношу за руку. Людмила же не собиралась сдаваться и руку эту вырвала, и положила себе на шею.

— Да что там делать-то? Все веселье именно тут, верно? — Девушка сверлила взглядом суженного.

— Вот! Дело говоришь, — Ведомор слегка пошатнулся в сторону Люды и поцеловал ее в щеку. После чего победительница схватила его за руку и отвела в центр танцевального круга продолжать веселье.

Гала осталась одна, в груди поселилась обида, а что хуже — ревность. Догадываясь о своей природе, она прекрасно понимала о том, что ее желания и мечты могут не сбыться, но она совершенно не ожидала, насколько это может быть больно. Едва удерживая себя в руках, девушка отошла подальше от праздника. Ей хотелось раствориться, чтобы Ведомор заметил это и пошел искать. Чтобы делал что-то именно для нее, для единственной, выделил среди всех. Ей хотелось быть в его глазах хотя бы чуточку, но выше всех остальных. Убежать бы сейчас далеко и долго ждать, когда о ней вспомнят. Но и бросить хозяина девушка не могла. Отчего и родился план понаблюдать издалика, а чтобы ее не заметили, девушка трансформировалась в ворону. Давненько, конечно, она не была в птичьей форме, словно и как летать уже забыла. Взмахнула Гала крыльями и приземлилась на большой камень, аккуратно у забора. Видно было, так себе, но зато не бросится в глаза. А, собственно говоря, почему это ей в глаза бросаться? Она же просто птица. Подумалось вдруг девушке, что посреди свадебного двора столб высокий стоит, к которому украшения примотаны. Вот сесть на него, и сразу видно будет с высоты всю обстановку. Только эта мысль пришла к ней в голову, как внезапно наступила темнота. Плот-

ный плетеный мешок в одно мгновение сковал девушку, не давая возможности даже трепыхаться. В следующий миг она уже оказалась в небольшой кованной птичьей клетке. Решетка захлопнулась.

— Ну вот и попалась, — кричала бабка, что окуривала свадьбу от силы нечистой, — а я-то думаю, от кого тут Нави смердит?

— Натуральный оборотень, — сетовала вторая, — хорошо клетка заговоренная, теперь так птицей и просидит всю свадьбу.

— Верно говоришь, а после гуляния уже придумаем, что с ней делать.

— Никто не попортит свадьбу моей внучке! — Ругалась вторая, тыкая пальцами в клетку.

Гала кричала, каркала и билась в клетке, пытаясь объяснить, что не портит свадьбу, что она гость. Но заговоренная клетка не позволяла услышать ее истинный голос вне прутьев. Боль и обида бились внутри, до слез скрежетала ревность. Забыли ее, бросили, унизили. Страх поселился в душе бедной девочки, что уже могут и не вспомнить. Клетка накрылась тканью, оставляя пленницу в полной темноте. Некоторое время ее несли по проселочной дороге, после чего послышалось открытие двери. Скрип ступеней, еще дверь. Отсыревший запах земли и залежавшейся капусты и репы. Клетка со стуком встала на какую-то полку, деревянную, судя по звукам. Снова дверь, лестница, дверь. Остались только

темнота, тишина и слезы.

До самого вечера были танцы. Много добрых слов было сказано молодым, отводилась даже минутка почтить память тех, кому повезло меньше. В едином духовном порыве все гости просили предков уберечь этот союз, чтобы бестия не добралась до молодоженов. Никто не понимал, откуда и почему появилась тварь из Нави, но без сомнений было только одно, ее цель — это молодые мужья. Дух это или призрак, может водяной, что поселился в Камышово, а может и вовсе оборотень-перевертыш¹³

¹³ Перевертыш – это порождение Нави, существо, которое может менять свой облик на животное, птицу, и даже неодушевленный предмет. А оборотень – это синоним слова перевертыш, указывающий на неконтролируемое и принудительное перевоплощение. Для разных животных были свои обозначения. Для волков – волколак, для медведей – беролак, и т.д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.